

ЖИЗНЬ.

Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ.

И. Н. Потапенко и П. А. Сергѣенко.

Къ представленію дозволено 23 ноября 1893 г. № 5605.

Поставлена въ 1-й разъ на сценѣ Московскаго Малаго театра 13 декабря 1893 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бѣлозеровъ Петръ Григорьевичъ, врачъ-профессоръ, 40 лѣтъ	1. Ленскій.
Ольга Павловна, его жена	1-жа Лешковская.
Варвара Павловна Тавлинова, сестра Ольги.	1-жа Нечаева.
Тавлиновъ Павелъ Александровичъ, отецъ ихъ, помѣщикъ, 50 лѣтъ	1. Ведотовъ.
Синицынъ Федоръ Михайловичъ, ассистентъ Бѣлозерова, 36 лѣтъ	1. Рыбаковъ.
Ратищевъ Владиміръ Николаевичъ, 35 лѣтъ.	1. Южинъ.
Тройновъ Дмитрій Алексѣевичъ, профессоръ, 60 лѣтъ	1. Правдинъ.
Загнѣицкій Иванъ Степановичъ } врачи	1. Музилъ.
Боржикъ }	1. Гаринъ.
Галкинъ }	1. Ленскій 2-й.
Карчевъ } студенты-медики 5-го курса.	1. Корсакъ.
Линскій }	1. Худомцевъ.
Баронъ Штифель	1. Невскій.
Чебышевъ.	1. Строевъ.
Туняева, троюродная сестра Бѣлозерова.	1-жа Самойлова.
Лакей.	1. Талановъ.
Горничная Бѣлозеровыхъ.	1-жа Таланова.
Студенты.	

Дѣйствіе въ университетскомъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Кабинетъ ученаго человѣка.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Ратищевъ и лакей.

(Входитъ Ратищевъ, за нимъ лакей.)

Лакей. Барыня просятъ обождать ихъ.

Рат. Здѣсь?

Лакей. Онѣ просили здѣсь.

Рат. Странно... *(Ходитъ по комнатѣ, нюхаетъ воздухъ и выражаетъ на лицѣ недоумленіе.)* Послушай, братецъ, что это у васъ такой странный запахъ? Точно въ больницѣ...

Лакей. Это карболка-съ, — физикціонное средство...

Рат. Какъ?

Лакей. Физикціонное средство для уничтоженія миазмы при больномъ.

Рат. *(киваетъ головой направо).* Это откуда?.. А что, другъ любезный, долго еще вы будете уничтожать эту миазму?

Лакей *(сосредоточенно).* Смотря по тому, каковъ будетъ крезусъ болѣзни.

Рат. *(оглядывая ея).* Экій ты ученый... Мнѣ тебя даже не понять.

Лакей *(почтительно, но съ достоинствомъ).* Дѣйствительно, кто не состоитъ при ученомъ занятіи, тому понимать затруднительно.

Рат. Попробуй, однако, объясни....

Ланей. Это очень трудно... не смогу-съ...
А вотъ и барыня. (*Кланяется и уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Ратищевъ и Ольга.

Ольга. Вы удивительно точны. (*Подаетъ ему руку.*)

Рат. (*цѣлуя ея руку*). Какъ всегда. А у васъ вѣчно что-нибудь необъяснимое.. Что за фантазія принимать меня въ кабинетъ?

Ольга (*садится*). Двѣ минуты въ обстановкѣ серьезнаго человѣка васъ уже утомили? (*Указываетъ на стуль.*)

Рат. (*садится*). Нѣтъ, не то... Но я вижу въ этомъ несправедливость...

Ольга. Да? Въ чемъ же?

Рат. Помилуйте—я вашъ поклонникъ,—въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія. Но поклоняться можно только въ храмѣ. А храмъ женщины, это — ея будуаръ...

Ольга. У васъ сегодня высокій стиль... Продолжайте, это забавно.

Рат. Извольте. Я очень скромнѣе и удовольствуюсь ролью вашего забавника. Насколько свободно мы чувствуемъ себя въ будуарѣ, настолько стѣснены въ кабинетѣ. Мы примиряемся съ гостинной, потому что это нейтральная почва. Но кабинетъ—это непріятельскій лагерь.

Ольга (*смѣется*). Право же, вы сегодня забавны...

Рат. Надѣюсь, не смѣшонъ, по крайней мѣрѣ!... Впрочемъ, бываютъ положенія, когда оказываешься немного глупымъ и немного смѣшнымъ... А въ общемъ ощущаешь высочайшее наслажденіе, изъ-за котораго только и стоитъ жить... Впрочемъ, стоитъ ли жить вообще, это для меня еще вопросъ...

Ольга. Который, однакожъ, вы не торопитесь разрѣшить, и живете себѣ по немногу...

Рат. Жестокое замѣчаніе въ устахъ женщины, которая слишкомъ хорошо знаетъ, изъ-за чего я живу. .

Ольга. Не имѣю понятія...

Рат. (*волнуясь*). Изъ-за чего я жилъ, когда Ольга Павловна была еще mademoiselle Томилина? И изъ-за чего живу теперь... Право же для меня ничто не измѣнилось.

Ольга (*смѣясь*). Даже и то, что mademoiselle Томилина стала madame Бѣлозерова?

Рат. Это до меня не касается... Я признаю только тѣ факты, которые мнѣ пріятны.

Ольга. Такимъ образомъ можно легко устроить себѣ вѣчный день и вѣчную весну, стоитъ только не признавать ночи и зимы.

Рат. Я такъ и дѣлаю... Но, однако, Ольга Павловна, насъ ждутъ лошади... Это ваше вчерашнее приказаніе...

Ольга. Я его отмѣняю, согласно вашей теоріи, потому что сегодня оно мнѣ не подходитъ.

Рат. Это безчеловѣчно... Но почему же?

Ольга. У насъ въ домѣ больной...

Рат. Это родственникъ Петра Григорьевича? Знаю, но вѣдь онъ былъ боленъ вчера и третьяго дня... И до сихъ поръ это ничему не мѣшало.

Ольга. Сегодня ему дѣлають операцію...

Рат. О, ужасъ!..

Ольга. Не смѣйтесь, операція очень важная. До сихъ поръ она считалась смертельной; мой мужъ хочетъ доказать, что она возможна... Я ничего въ этомъ не понимаю, знаю только, что это должно сдѣлать какой-то переворотъ въ наукѣ; сейчасъ будутъ врачи, консилиумъ...

Рат. Но все-таки вамъ-то что до этого? Если не ошибаюсь, къ больному вы не питаете особенно вѣжныхъ чувствъ. А также не можете ни помѣшать, ни способствовать его смерти.

Ольга. Вы хотите сказать: что же мнѣ до интересовъ моего мужа? Ха-ха-ха! Это даже не забавно, а только парадоксально. Вѣдь я же сказала вамъ, что это очень важный вопросъ для моего мужа и... для науки...

Рат. Можетъ быть... Только это очень скучно... согласитесь!..

Ольга. Но вамъ стоитъ только признатьъ этого факта... Ха, ха, ха! (*Входитъ справа Синицынъ, видъ озабоченный.*)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Ольга, Ратищевъ и Синицынъ.

Син. (*искоса кланяется Ратищеву, который привстаетъ и отвѣчаетъ ему официальнымъ поклономъ*). Вы позволите мнѣ, Ольга Павловна, распорядиться на счетъ льду? Больному нуженъ ледъ...

Ольга. Разумѣется... Пожалуйста, Федоръ Михайловичъ, распорядитесь, какъ дома...

Син. Благодарю васъ!.. (*Уходитъ въ главную дверь.*)

Ольга. Чему вы улыбаетесь?

Рат. Когда я вижу этого почтеннаго мужа, мнѣ почему-то сейчасъ же представляется армія...

Ольга. Армія?

Рат. Да, армія, позади которой тяжело плетется нагруженный всякой всячиной обозъ. Несомнѣнно и онъ, подобно обозу, доверху нагруженъ всякими знаніями.

Ольга. Во-первыхъ, въ этомъ нѣтъ ничего смѣшного, а во-вторыхъ, Синицынъ очень талантливый и передовой человекъ.

Рат. Передовой? Гм... Въ такомъ случаѣ мы можемъ назвать его іерихонской трубой науки, которая всегда идетъ впереди и дуетъ на пропалюю...

Ольга. Быть злымъ, еще не значитъ быть остроумнымъ, Владиміръ Николаевичъ. При томъ же вы могли бы вспомнить, что Федоръ Михайловичъ — другъ моего мужа.

Рат. Другъ дома, хотите вы сказать? Я признаю это родство только по женѣ...

Ольга (*слезка вспыхнувъ*). Въ такомъ случаѣ примите къ свѣдѣнію, что я тоже очень уважаю Синицына...

Рат. (*кланяясь*). Этого совершенно достаточно, чтобы я тотчасъ же началъ питать къ нему уваженіе и преданность. (*Входитъ Синицынъ, неся въ рукахъ тарелку со льдомъ.*)

Ольга (*съ особенной любезностью*). Вы достали, Федоръ Михайловичъ?

Син. Благодарю васъ, досталъ... (*Торопливо уходитъ направо.*)

Рат. Почувствовавъ уваженіе и преданность, я сталъ искать для этого мужа какос-нибудь классическое сравненіе. Не напоминаетъ ли онъ вамъ Вагнера, мечтающаго создать гомункула въ ретортѣ? Вагнеръ, какъ извѣстно, былъ очень умный человекъ... Притомъ и Фаустъ на лицо.

Ольга. Кто же это?

Рат. Вашъ мужъ, конечно...

Ольга (*вспыхнувъ*). Но вамъ еще слишкомъ многого не достаетъ, чтобы годиться имъ въ мѣфистофели...

Рат. Ну, а отъ роли опернаго Зибеля я и самъ отказываюсь. (*Поднимается.*) Въ концѣ концовъ, все это почти трагично, если вы наотрѣзъ отказываетесь ѣхать.

Ольга. Да, я не поѣду...

Рат. Тогда мнѣ остается съ сожалѣніемъ откланяться, такъ какъ я не могу принимать участія въ консиліумѣ... Еще одинъ день испорченъ! (*Кланяется.*)

Ольга. Мнѣ немного жаль васъ, хотя въ этого сегодня не заслужили... Заѣзжайте черезъ часть. Если все кончится благополучно, можетъ быть я поѣду...

Рат. (*цѣлуетъ ее руку*). Превосходно! Повѣрьте, что вамъ гораздо больше идетъ къ лицу миловать, чѣмъ карать. (*Входитъ лакей.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Ольга, Ратищевъ, лакей; потомъ Варя.

Ольга. Что тебѣ?

Лакей. Отъ профессора Тройнова человекъ пришелъ.

Ольга. Зачѣмъ?

Лакей. Сказать, что они будутъ къ часу.

Ольга. Ахъ, это, должно быть, имѣетъ отношеніе къ консиліуму. Я въ этомъ ничего не понимаю. Ты скажи Федору Михайловичу.

Лакей. Намъ запрещено входить туда.

Ольга. Ну, такъ Варѣ... (*Слѣва входитъ Варя.*) Вотъ кстати. Объясни Варварѣ Павловнѣ.

Варя. Что такое? (*Мимолетомъ подаетъ руку Ратищеву.*) Здравствуйте, Владиміръ Николаевичъ...

Лакей. Отъ профессора Тройнова посыльный. Они будутъ къ часу-съ.

Варя. Хорошо. Ступай. (*Лакей уходитъ.*) Имѣй въ виду, Ольга, что врачъ можетъ быть будутъ завтракать у насъ ..

Ольга (*Ратищеву*). Не останетесь ли и вы позавтракать?

Рат. (*съ ужасомъ*). Съ врачами? Послѣ операциі? Простите! Это - подвигъ! (*Мялая тонъ*). Нѣтъ, безъ шутокъ, благодарю васъ, я въ виду нашего катанья уже позавтракалъ. И такъ, черезъ часъ! (*Кланяется обильно и уходитъ.*)

Варя. Что это будетъ черезъ часъ?

Ольга. Да въ сущности ничего не будетъ. Я сказала, что можетъ быть поѣду кататься верхомъ, но, разумѣется, не поѣду...

Варя. Я думаю, ты взволнована, Ольга?

Ольга. Я? Почему? Развѣ надо быть взволнованной?

Варя. Не надо, но мнѣ такъ казалось... Сегодня Петръ Григорьевичъ дѣлаетъ такой рѣшительный шагъ... Если кончится удачно, то это произведетъ цѣлый переворотъ въ медицинѣ.

Ольга. Да вѣдь я ничего не понимаю въ медицинѣ, какъ и ты тоже, Варя... Митя вернулся съ прогулки? Я пойду къ нему. (*Уходитъ. Входитъ справа Синицынъ.*)

Варя (*идетъ къ нему*). Тройновъ будетъ къ часу!

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Варя и Синицынъ.

Син. Чудесно! Тройновъ необходимъ, чтобы усмирять Загницкаго. Онъ, я знаю, будетъ противъ операциі. Вѣдь это идетъ въ разрѣзъ съ его ученой работой. А и докажемъ же имъ мы, Варвара Павловна!

Всѣмъ докажемъ. (*Потираетъ руки.*) Я уже предвкушаю ихъ посрамленіе!

Варя. Какой вы восторженный! Я вамъ завидую... У васъ все готово, Федоръ Михайловичъ? Заказъ изъ аптеки принесли?

Сини. Все, все готово. Хоть сейчасъ приступить къ дѣлу. Знаете, у меня сердце бьется, какъ передъ любовнымъ свиданіемъ...

Варя. А у васъ было когда-нибудь любовное свиданіе?

Сини. По совѣсти говоря—никогда не было... Это я такъ, теоретически...

Варя. А не боитесь вы?

Сини. Я? Да я вѣрю въ Петра Григорьевича, какъ въ Юпитера... Если бы онъ мнѣ сказалъ: вотъ, Синицынъ, для пользы науки вамъ надо руку отрѣзать, такъ я только спросилъ бы: правую или лѣвую, Петръ Григорьевичъ?.. Вотъ, какъ я вѣрю въ него!

Варя. Сколько вамъ лѣтъ, Федоръ Михайловичъ?

Сини. О, я старая собака. (*Спохватившись.*) Извините за выраженіе!... Мнѣ тридцать шесть!...

Варя. Между тѣмъ вы такъ юны, словно вамъ двадцать лѣтъ...

Сини. А сколько вамъ лѣтъ, Варвара Павловна?

Варя. Вотъ когда надо было сказать: извините за выраженіе! Развѣ вы не знаете что дамъ объ этомъ не спрашиваютъ? Впрочемъ у меня это не тайна: мнѣ двадцать пять... А что? Я кажусь старше, не правда ли?

Сини. О нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Но выдержки у васъ бездна. Какъ это вы умѣете всегда быть ровной и никогда не выходить изъ себя?

Варя. Да развѣ стоитъ изъ-за чего-нибудь волноваться?

Сини. Да оно пожалуй... И у васъ это всегда такъ было?

Варя (*задумчиво*). Нѣтъ, Федоръ Михайловичъ, не всегда.

Сини. (*послѣ паузы*). Завидую я вашему спокойствію, Варвара Павловна.

Варя. Не завидуйте этому, Федоръ Михайловичъ. (*Входитъ Бѣлозеровъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Варя, Синицынъ, Бѣлозеровъ, *потомъ* ланей.

Бѣл. (*оживленный*). Здравствуйте, Варя!.. (*Цѣлуетъ руку Синицыну.*) Здравствуйте, мой другъ! (*Пожимаетъ его руку.*) У насъ все готово? О, конечно, что же я спрашиваю? Сейчасъ придутъ врачи и мы приступимъ къ дѣлу. Пу, Федоръ

Михайловичъ, у васъ, по прежнему, никакихъ сомнѣній?

Сини. Ни малѣйшихъ! Вотъ ужъ, повѣрите, рука не дрогнетъ, словно бы я разрѣзывалъ грушу Только...

Бѣл. А, только... Значитъ есть оговорка?!

Сини. Нѣтъ, не къ тому, а то, что на коллегъ я мало надѣюсь. Ужъ Загницкій будетъ въ оппозиціи, это, какъ Богъ святъ... Другіе потянутъ за нимъ...

Бѣл. Это было бы досадно. Но развѣ можно остановиться передъ чѣмъ бы то ни было, когда вѣришь въ свое дѣло? Тройновъ отвѣтилъ?

Варя. Онъ будетъ къ часу...

Бѣл. Вотъ и отлично. Сейчасъ и другіе соберутся. (*Входитъ лакей.*) Кто-нибудь пріѣхалъ?

Лакей. Господинъ Загницкій, господинъ Галкинъ и господинъ Боржикъ.

Бѣл. Проси. (*Лакей уходитъ.*) Вамъ, Варя, придется насъ оставить. У медицины есть старая дурная привычка: прятать-ся отъ непосвященныхъ.

Варя (*Указываетъ направо*). Но я пройду туда. Можетъ быть что-нибудь помощи. (*Синицынъ одобрительно киваетъ головой. Варя уходитъ направо. Синицынъ за ней. Входятъ Загницкій, Галкинъ и Боржикъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Бѣлозеровъ, Загницкій, Галкинъ и Боржикъ, *потомъ* ланей.

Бѣл. (*пожимаетъ всѣмъ руки*). Спасибо вамъ, что такъ живо откликнулись на мое приглашеніе. Вы понимаете, что если я попросилъ именно васъ, то потому, что рассчитывалъ на ваши знанія и опытность.

Заг. (*лѣтливо и въ тоже время ядовито*). Мы очень польщены, уважаемый профессоръ, но полагаемъ, что ваша, всѣми признанная, ученость едва ли нуждается въ помощи нашихъ скромныхъ познаній.

Бѣл. Полноте, collega, оставимте этотъ тонъ академической любезности. Всѣмъ намъ, господа, одинаково дороги успѣхи науки и я увѣренъ, что каждый изъ васъ уже считаетъ мое дѣло своимъ.

Борж. (*говоритъ нервно, весь подерываясь, каждую минуту поправляя очки*). Извините, профессоръ... Я хотѣлъ бы знать, почему больной не помѣщенъ въ клинику? Простите пожалуйста.

Бѣл. Это дальній мой родственникъ. Онъ самъ пожелалъ остаться у меня въ домѣ; послѣ операціи онъ будетъ переведенъ въ клинику..

Заг. Если выдержитъ ее, конечно...

Бѣл. О, за это можно поручиться.

Заг. Сколько я понимаю, за это можетъ ручаться только организмъ больного...

Бѣл. Вы сейчасъ познакомитесь съ нимъ, господа. (*Входитъ лакей.*)

Ланей. Профессоръ Тройновъ.

Заг. (*удивленный*). Тройновъ? Вотъ какъ!

Бѣл. Проси, проси! (*Лакей уходитъ.*)

Заг. (*Галкину*). Не понимаю, зачѣмъ насъ пригласили, когда ждутъ такихъ свѣтилъ. (*Входитъ Тройновъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Тройновъ.

Бѣл. (*идетъ ему навстрѣчу*). Спасибо, Дмитрій Алексѣевичъ. (*Здоровается съ нимъ.*) Васъ только и ждемъ.

Тр. А, сколько здѣсь почтенныхъ коллегъ! Это хорошо, основательно. Чѣмъ больше мнѣній, тѣмъ вѣрнѣе путь къ истинѣ.

Заг. (*пожимая ему руку*). Мы ждемъ васъ, глубокочтимый профессоръ, только за тѣмъ, чтобы присоединиться къ вашему мнѣнію...

Тр. Благодарю васъ, но зачѣмъ же напередъ присоединяться? У каждого должно быть свое мнѣніе.

Заг. Да, конечно, но... Какъ здоровье вашей супруги, профессоръ? Анна Ивановна, кажется, слегка прихворнула?

Тр. Благодарю... Она ужъ вызжаетъ.

Бѣл. Такъ прошу васъ, господа, осмотрѣть больного и приступить къ консилиуму. (*Указываетъ на дверь справа. Тройновъ приглашаетъ жестомъ другихъ идти впередъ. Загницкій жестомъ уступаетъ ему эту честь. Тройновъ идетъ, за нимъ другіе и Бѣлозеровъ. Они уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Ланей и Синицынъ.

Син. (*проходитъ изъ правой двери къ лавной и полумотворивъ ее, останавливается*). Иванъ! (*Входитъ лакей.*) Пожалуйста будьте внимательны и прислушайтесь... Какъ только (*указываетъ на дверь справа*) тамъ позвонятъ, сейчасъ же бѣгите туда...

Ланей. Само собой разумѣется.

Син. И вотъ что: велите подать что-нибудь, — чай или кофе...

Ланей. Слушаю съ. (*Уходитъ.*)

(*Справа входитъ Карчевъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Синицынъ и Карчевъ.

Син. Ну, что наши коллеги? Кажется, ихъ и звать было не къ чему?..

Карч. Да, видно, что они пріѣхали съ готовымъ рѣшеніемъ, — особенно Загницкій...

Син. Что Загницкій? Отъ него и ждать нечего. Нѣтъ, Тройновъ, Тройновъ каковъ! Какъ мѣняются люди! Вѣдь я помню его, когда онъ былъ настоящимъ орломъ; а теперь... (*Машетъ рукой.*) Идутъ! Вы отправляйтесь туда, Карчевъ... (*Справа входятъ Тройновъ, Загницкій, Галкинъ, Боржикъ и Бѣлозеровъ. — Карчевъ уходитъ направо.*)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Синицынъ, Тройновъ, Загницкій, Боржикъ, Галкинъ, Бѣлозеровъ и горничная.

Бѣл. Сядемте, господа, и я попрошу васъ высказаться окончательно. (*Всѣ, кромѣ Синицына, садятся, Синицынъ остается въ сторонѣ, въ выжидательной позѣ. Пауза. Горничная приноситъ чашки съ кофе и подаетъ всѣмъ.*) Для меня это слишкомъ важно. (*Загницкому.*) Итакъ, Иванъ Степановичъ...

Заг. Я могу повторить только то, что высказалъ: допустить подобную неслыханную операцію значило бы просто на просто зарѣзать больного, межъ тѣмъ его состояніе допускаетъ возможность для него прожить еще нѣсколько лѣтъ...

Бѣл. (*нахмуривъ брови, Галкину*). Ваше мнѣніе, коллеги?

Гал. Я не могу присоединиться къ слишкомъ, такъ сказать, рѣзкому выраженію доктора, но совершенно раздѣляю его... его, такъ сказать, заключеніе...

Бѣл. (*Боржикю*). А ваше мнѣніе, докторъ?

Бор. Къ сожалѣнію, не вижу достаточныхъ данныхъ, чтобы допустить столь опасную операцію, на которую до сихъ поръ не рѣшались самые знаменитые врачи... Извините, профессоръ..

Бѣл. (*спокойно, почтительно*). Вы что скажете, Дмитрій Алексѣевичъ?

Тр. (*мяко*). Дорогой мой... Какъ вы знаете, я считаю операцію рискованной...

Бѣл. (*волнуясь*). Но мыслимой, возможной?

Тр. (*ласково и какъ бы съ сожалѣніемъ*). Нѣтъ, мой дорогой другъ, невысказанной и невозможной.

Заг. И было бы странно думать иначе.

Бѣл. (*выразительно*). И вотъ я думаю иначе.

Тр. И напрасно, мой милый, напрасно... Вы же знаете... Не было еще случая, чтобы больной выдерживал подобную операцию...

Бл. „Не было“.—Но значить ли, что и не может быть?

Тр. Конечно, конечно... Но, милый мой друг... В данномъ случаѣ, если бы вы рѣшились... чего я не допускаю... Вы пошли бы противъ очевидности...

Бл. Противъ очевидности? (*Задумываясь.*) Для васъ это очевидно. (*Сильно оживляясь.*) А если вы всё ошибаетесь? Если...

Заг. (*иронически*). Мы всё слѣпые, а вы одинъ видите?

Бл. (*твердо и сильно*). Да, вы ошибаетесь. Я утверждаю: вы ошибаетесь. И я такъ глубоко вѣрю въ это, что если бы сюда собрались врачи всего міра и стали бы доказывать мнѣ противное, то я и тогда сказалъ бы: вы ошибаетесь.

Заг. Не понимаю, зачѣмъ же тогда остановка: берите ножъ, идите и... кончайте больного. Помѣшать мы вамъ не можемъ. Но я даю свою голову на отсѣченіе, что больной умретъ подъ ножомъ.

Сми. (*мрачно*). Не слишкомъ ли много вы даете, докторъ?

Заг. Смѣю думать, что и другіе... (*обращаясь къ врачамъ*) подтвердятъ то же самое.

Бор. Долженъ присоединиться... Извините...

Гал. (*дѣлаетъ движеніе, означающее, что онъ принужденъ раздѣлить мнѣніе Заничкина*).

Тр. (*кладетъ руку на плечо Блосзерова*). Послушайте, мой другъ, я говорю съ вами, какъ старикъ, какъ вашъ учитель, любящій васъ сердечно, я говорю какъ отецъ... Вы не должны на это рѣшаться. Нѣтъ и нѣтъ! Я понимаю этотъ благородный пылъ увлеченія, я вполне признаю ваши основанія. Ну, да, ваша теорія блестяща, я заявляю это торжественно,—я читалъ, внимательно читалъ... Но, мой милый другъ, осторожность нужна, осторожность... подумайте, чѣмъ вы рискуете, принимая на себя такую страшную отвѣтственность. Вы ставите на карту всю свою ученую репутацію и можете разомъ погубить вашу блестящую карьеру. Наконецъ я принужденъ заявить, дабы васъ образумить, что если васъ постигнетъ неудача, что весьма возможно, ибо въ подобной операциі она уже постигала другихъ,—мы во избѣжаніе нареканій... должны... должны будемъ опубликовать подробности консилиума и вся отвѣтственность падетъ на васъ...

Бл. (*въ теченіе рѣчи Тройнова волнуется; быстро поднимаясь*). И это говорите мнѣ вы—профессоръ Тройновъ, горячо любимый учитель, нѣкогда плѣнявшій насъ смѣлостью мысли и служившій намъ такимъ обаятельнымъ примѣромъ твердости духа! А давно ли прошло то время, когда мы, затаивъ дыханіе, стоимъ, бывало, вокругъ вашей кафедры и чутко внимаемъ вамъ?! А помните, профессоръ, тѣ дивныя слова, которыми вы напутствовали нашъ курсъ? Я не забылъ ихъ до сихъ поръ; они глубоко запали въ мою душу... Они были для меня символомъ вѣры, оберегая меня на пути жизни отъ паденія... Пожимая наши руки, вы сказали намъ: „Юные друзья мои! Любите науку и смѣло идите впередъ! И если на вашу долю выпадетъ высокое счастье возвѣстить новую истину, то никакія препятствія, никакія трудности не должны останавливать васъ. Помните, что пламя истины обжигаетъ руку, несущую его, и потому приносите ей въ жертву всё ваши интересы и возвѣщайте ее смѣло во всеуслышаніе, потому что она одна стоитъ нашихъ усилий и трудовъ“. Это ваши слова, профессоръ... А теперь вы мнѣ вмѣсто истины подсовываете осторожность, какъ высшую добродѣтель. Вмѣсто прежняго смѣлаго призыва, вы пугаете меня страхомъ отвѣтственности. Эти добродѣтели годятся для практиковъ-рутинеровъ, которые охотно предали бы науку анаемѣ и стали бы перевозоситъ знахарство, если бы это имъ было выгодно... (*Заничкій дѣлаетъ движеніе.*) Нѣтъ, учитель, не этихъ рѣчей я ждалъ отъ васъ... „Осторожность!“ „репутація!“ „карьера!“ Но что общаго все это имѣетъ съ наукой? „Отвѣтственность!“ Да, я беру на себя отвѣтственность! Тысячу разъ беру на себя отвѣтственность. И знаю, какъ поступлю, если... Но нѣтъ, для меня здѣсь не можетъ быть „если“... Истина стоитъ передо мной—ясная и яркая, какъ солнце... (*Пауза. Старается успокоиться. Сикицыкъ даетъ ему стаканъ воды, онъ выпиваетъ. Къ Сикицыну.*) Идемъ! (*Быстро уходитъ направо. Сикицыкъ съ восторгомъ слѣдуетъ за нимъ. Нѣсколько секундъ молчаніе. Боржикъ въ чрезвычайномъ волненіи порывисто ходитъ на среднемъ планѣ сцены; Галкинъ—тоже на заднемъ. Заничкій стоитъ спокойно и иронически смотритъ на общее смущеніе. Тройновъ сперва остается на мѣстѣ, потомъ съ волненіемъ подходитъ съ столу, садится, беретъ книгу, пробуетъ читать, но тотчасъ откладываетъ ее и задумывается.*)

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ же, безъ Бѣлозерова и Смищына.

Заг. (подходитъ къ Тройнову). Позвольте заявить вамъ, глубокоуважаемый профессоръ, что я возмущенъ подобнымъ посягательствомъ на авторитетъ, стоящій столь высоко и непоколебимо. (Протягиваетъ руку.)

Тр. (встаетъ и отстраняетъ его). Не время-съ... (Про себя.) Но какъ же можно?.. Что же это? Неужели онъ рѣшится?.. Вѣдь онъ безумецъ... (Тревожно подходитъ къ двери направо, какъ бы желая войти туда. Колеблется, возвращается, подходитъ къ камину и тамъ остается, повернувшись спиной къ остальнымъ и закрывъ лицо руками. Боржикъ и Галкинъ садятся въ разныя улазы, сохраняя видъ спокойный.)

Заг. Однако... Что же это на нихъ словно столбнякъ нашель? Гм... Практики-рутинеры. Гм... (Подходитъ къ Боржикю.) Что это вы, коллега, такъ мрачно смотрите? Не ощущаете ли нѣкотораго колебанія, а?

Борж. (нервно). Нахожу ваши шутки неумѣстными, извините!..

Заг. О, да, вы правы. Не слѣдуетъ шутить, когда въ двухъ шагахъ рѣжутъ человѣка... (Входитъ съва Варя.)

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Тѣ же и Варя.

Заг. (къ ней, съ изысканной любезностью). Мое почтеніе, Варвара Павловна! Однако у васъ много мужества...

Варя. Мужества?

Заг. Да, нервы крѣпкіе... Въ подобныхъ кровавыхъ случаяхъ, дамы предпочитаютъ уѣзжать изъ дому. Ну, тамъ кататься верхомъ или на лодкѣ. Я готовъ держать пари, что ваша сестрица, Ольга Павловна, такъ и сдѣлала...

Варя. Вы проиграете пари, докторъ... (Справа раздается звонокъ. Постыпно входитъ лакей изъ главной двери, навстрѣчу ему Карчеевъ справа.)

ЯВЛЕНИЕ 14-е.

Тѣ же, Карчеевъ и лакей.

Кар. Воды... Пожалуйста скорѣе. (Всѣ въ волненіи.)

Лакей. Слушаю-съ. (Уходитъ.)

Варя (подбѣгаетъ къ Карчееву). Ну что?

Кар. Ничего еще неизвѣстно... Сейчасъ все выяснится.

Вар. Но однако же... Какъ идти?

Кар. Ахъ, развѣ можно судить?.. Все зависитъ отъ одного момента. (Входитъ лакей съ кувшиномъ воды; Карчеевъ беретъ кувшинъ и уходитъ направо.)

Лакей. Больше ничего не понадобится!

Варя. Васъ позовутъ, когда надо будетъ... (Лакей уходитъ. Тройновъ говоритъ съ Варей.)

ЯВЛЕНИЕ 15-е.

Тѣ же, безъ лакея и Карчеева.

Заг. (Галкинъ). Что-то тамъ не ладно... Видѣли, какъ онъ былъ взволнованъ?

Гал. А вы, кажется, уже готовы служить, такъ сказать, панихиду... по больному?..

Заг. А вы будто сомнѣваетесь, коллега, что для больного это понадобится? (Входитъ Бѣлозеровъ взволнованный съ юрящими глазами, но съ напряженными спокойствіемъ на лицѣ, съ засученными рукавами, въ фартукъ. Остается у порога.)

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

Тѣ же и Бѣлозеровъ, потомъ Смищынъ.

Бѣл. (указывая на комнату больного). Прощу васъ.

Тр. Неужели? (Быстро уходитъ въ комнату больного. Варя вопросительно и тревожно подходитъ къ Бѣлозерову. Она киваетъ головой утвердительно и жметъ его руку. Заницкій, Боржикъ и Галкинъ стоятъ въ недоумѣніи. Входитъ Тройновъ.)

Тр. (низко кланяясь). Ну, Петръ Григорьевичъ, бьемъ вамъ челомъ... Посрамили вы насъ... И мнѣ, старику, стыдно... стыдно... и стыдно...

Заг. Какъ? Неужели?

Тр. Простите.. Теперь вижу, что былъ слѣтъ. (Протягиваетъ Бѣлозерову руки.)

Бѣл. Благодарю васъ отъ души... Благодарю за тѣ чувства, которыя вы питали ко мнѣ, рекомендуя осторожность. Высказанное вами сомнѣніе, можетъ быть, заставило меня строже отнестись къ работѣ и тверже держать ножъ... Но (съ воодушевленіемъ) за то теперь я переживаю минуты такого высокаго счастья, подобнаго которому не знаетъ человѣческое чувство. Ради одной такой минуты, дорогой учитель, стоитъ жить, чтобы работать и отдавать всѣ свои силы любимому дѣлу! Да что я говорю? Вы, старый нашъ учитель, испытали это лучше, чѣмъ кто другой!

Тр. (растроганный). Да... Было время... Умѣлъ и я быть стойкимъ. Умѣлъ и я забывать все ради науки. А теперь

ослабѣлъ... Старь сталь... (*Оживившись.*) Но сегодня ко мнѣ словно молодость вернулась.. Да, вспомнил старину... Вспомнил старину... Вы мнѣ напомнили меня въ мои лучшіе годы! Позвольте же обнять васъ и расцѣловать! (*Горячо обнимаетъ и цѣлуетъ его, Замицкий, Галкинъ и Боржикъ пожимаютъ руки Бѣлозерову*)

Заг. (*тихо Боржикю*). Цыплятъ, однако, по осени считаютъ.

ЯВЛЕНИЕ 17-е.

Тѣ же и Синицынъ.

Заг. (*къ нему язвительно*). Поздравляю, коллега... Примите, однако, мой совѣтъ не торопиться съ торжественнымъ оповѣщеніемъ въ газетахъ... Подождемъ дальнѣйшаго.

Син. Не безпокойтесь, докторъ, въ газетахъ мы сообщимъ другое... (*Комически важно.*) На самомъ видномъ мѣстѣ и самыми крупными буквами будетъ начертано, что завтра, на парадной площади доктору Загницкому будутъ отсѣкать голову.

Заг. Это что еще за шутки?

Син. Докторъ, вы же сами сказали, что дадите голову на отсѣченіе, если больной выживетъ. Это было, ей-ей было... А онъ не только живетъ, а и кушать проситъ... (*Всѣ смѣются.*)

Заг. (*въ сторону*). Скоморохъ! (*Холодно.*) До свиданія! (*Быстро уходитъ.*)

Гр. (*качаетъ головой*). Разобидѣли коллегу... Ну, ничего, обойдется какъ-нибудь! (*Подходитъ къ Синицыну и треплетъ его по плечу.*) Славный у васъ ассистентъ, Петръ Григорьевичъ! Онъ напоминаетъ мнѣ то время, когда вы были моимъ ассистентомъ... Хорошее было время! Чудное времячко!.. Ну, однако пора... Вамъ надо успокоиться, отдохнуть... (*Пожимаетъ руку Бѣлозерову, потомъ дружимъ.*) Прощайте. Давно не чувствовалъ я себя такимъ молодымъ и такимъ счастливымъ, какъ сегодня! (*Уходитъ.*)

Бор. Пора и мнѣ! Простите! (*Прощается, Галкинъ тоже.*)

Бѣл. Спасибо вамъ, спасибо, господа!.. (*Галкинъ и Боржикъ уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 18-е.

Бѣлозеровъ, Варя, Синицынъ.

Син. (*въ ребяческомъ восторгѣ*). Ну, и молодцы же мы съ вами, Петръ Григорьевичъ, просто заглядѣніе! Знаете, чего мнѣ до страсти хочется? Давайте поцѣлуемся!

Бѣл. Охотно, съ восторгомъ! (*Цѣлуются.*)

Син. А теперь пойду къ больному. А вы присядьте, да отдохните. (*Уходитъ направо.*)

Бѣл. (*Варѣ*). Ну, Варя, вы довольны? Знаю, что довольны, и по лицу вижу. (*Пожимаетъ ей руку.*) А гдѣ же Ольга? Я хотѣлъ бы ее видѣть.

Варя. Она у Мити. Она еще не знаетъ, какъ кончилось. Я позову ее. (*Уходитъ налево.*)

Бѣл. (*садится въ кресло и, усталый, закрываетъ глаза. Пауза. Входитъ Ольга.*)

ЯВЛЕНИЕ 19-е.

Бѣлозеровъ и Ольга; потомъ Синицынъ, горничная и лакей.

Бѣл. (*вздвинувъ, встаетъ, идетъ ей навстрѣчу и цѣлуетъ ея руку*). Ну, Ольга, поздравь меня, поздравь съ замѣчательной удачей!

Ольга. Поздравляю, Петя... Я такъ рада, что это кончилось!.. (*Бѣлозеровъ дѣлаетъ недовольное движеніе.*) Ты не серлился. Я рада и твоему успѣху. Но согласись, Петя, что жить полтора мѣсяца въ больницѣ—тяжело, а нашъ домъ ходитъ на больницу... Ужъ я не говорю о себѣ, но вѣдь и ты отъ этого страдаешь. У всякаго человѣка долженъ быть уголокъ, гдѣ бы онъ могъ отдохнуть отъ трудовъ и заботъ. Ты такъ много работаешь, ты весь отдаешься своему дѣлу и для тебя это нужнѣе, чѣмъ для кого бы то ни было... Но какой же это отдыхъ, когда ты, придя изъ клиники, дома находишь ту же клинику... Развѣ я не права? Или ты, можетъ быть, хотѣлъ бы, чтобы я это думала и не говорила тебѣ?

Бѣл. О, нѣтъ, пожалуйста всегда говори все, что думаешь.. Развѣ ты не знаешь, какъ я это цѣню въ тебѣ?.. И ты, пожалуйста, права... по своему.

Ольга. Ну, вотъ видишь... Значитъ, ты согласенъ со мною?

Бѣл. Да... Согласенъ... Но видишь ли мой другъ... Отъ одного твоего замѣчанія мое восторженное настроеніе, какъ - то вдругъ понизилось... Это немного жаль.

Ольга. Такъ забудь, что я сказала. Вѣдь это у меня такъ... вырвалось... Я рада, что ты, наконецъ, свободенъ, посидишь со мной, отдохнешь. (*Справа звонокъ.*)

Бѣл. (*тревожно*). Что-нибудь случилось съ больнымъ. Извини, Ольга..

Ольга. Вотъ видишь, это отравляетъ каждую минуту.

Бѣл. (укоризненно). Ольга!.. (Спѣшно уходитъ направо. Ольга сидитъ съ недовольнымъ видомъ. Торопливо выбѣгаетъ Синицынъ.)
Син. Ради Бога, льду... Распорядитесь льду...

Ольга (сухо). Хорошо. (Синицынъ уходитъ обратно. Ольга звонитъ. Входитъ горничная.) Дайте туда льду.

Гор. Слушаю-съ. (Уходитъ, сейчасъ же возвращается со льдомъ и проходитъ въ дверь направо. Ольга вздрагиваетъ нервно, входитъ лакей.)

Лакей. Владиміръ Николаевичъ пріѣхалъ... (Лакей уходитъ. Входитъ Ратищевъ.)

ЯВЛЕНИЕ 20-е.

Ольга и Ратищевъ.

Рат. Какъ? Вы не готовы? Но почему же? Вѣдь все кончилось благополучно! По дорогѣ сюда я встрѣтилъ двухъ докторовъ и по ихъ угрюмому виду заключилъ, что операція была блестяща... И такъ, у васъ должно быть повышенное настроеніе и желаніе пуститься въ бѣшенный галопъ...

Ольга. Нѣтъ, я просто разстроена, нервничаю и ощущаю только желаніе сидѣть въ креслѣ и не двигаться съ мѣста... А вы во всеоружіи? Садитесь и рассказывайте какія-нибудь глупости... Можетъ быть это развлечетъ меня...

Рат. (садится). Глупости? О, этого у меня большой запасъ. Въ моей жизни я ихъ надѣлалъ не мало.

Ольга. Тѣмъ лучше. Итакъ, начинайте.

Рат. (подумавъ). Ну, вотъ хоть это; называется „Дуэль на рапирахъ или нѣкоторыя черты изъ жизни орловскаго помѣщика“.

Ольга. У васъ для каждой глупости особенное заглавіе?

Рат. Непремѣнно, иначе я потерялся бы въ ихъ безконечномъ множествѣ.

Ольга (нетерпливо). Ну-те.

Рат. Это было въ эпоху моей зеленой молодости, когда я, путешествуя по Италіи, съ ловкостью дикой козы взбирался на вершины скалъ и съ неустрашимостью браваго кадета вызывалъ на бой небо, землю и могучія стихіи.

Ольга (смѣясь). Начинается очень фантастично.

Рат. То-есть, глупо? Погодите, дальше будетъ еще глупѣе. (Ольга смѣется. Входитъ Бѣлозеровъ, встревоженный. Они продолжаютъ разговоръ тихо.)

ЯВЛЕНИЕ 21-е.

Тѣ же и Бѣлозеровъ.

Бѣл. Вдругъ сдѣлалось худо... Непо-

нятно... Здравствуйте, Владиміръ Николаевичъ. (Наскоро пожимаетъ его руку.) Простите... Я долженъ послать въ аптеку... (Идетъ къ столу и пишетъ.)

Рат. (встаетъ.) Петръ Григорьевичъ такъ озабоченъ... боюсь, что я мѣшаю... Позвольте раскланяться, Ольга Павловна...

Ольга. О, нѣтъ... Я хочу дослушать вашу исторію... Начало такъ много обѣщаетъ... Вотъ что: пойдѣте въ гостиную, Владиміръ Николаевичъ! (Ратищевъ кланяется.) Петя, мы будемъ въ гостиной, чтобы не мѣшать тебѣ...

Бѣл. (углубленный въ писанье.) Хорошо, мой другъ, хорошо... (Ольга и Ратищевъ идутъ къ двери, на порогъ ихъ встрѣчаетъ Туняева.)

ЯВЛЕНИЕ 22-е.

Тѣ же и Туняева.

Тун. (наскоро цѣлуетъ съ Ольгой и пожимаетъ руку Ратищева). Здравствуй, Ольга! Bonjour, monsieur Ratistcheff!.. А гдѣ же кузень? Я должна его поздравить...

Ольга. Онъ очень занятъ, кузина!

Бѣл. (омлadyвается). Иванъ! (Замыкаетъ Туняеву.) А, кузина! Простите... я сейчасъ... (Ольга машетъ рукой и уходитъ, Ратищевъ уходитъ за нею.)

ЯВЛЕНИЕ 23-е.

Бѣлозеровъ, Туняева и лакей.

Тун. (идетъ къ Бѣлозерову, который продолжаетъ писать). Кузень! кузень! Я отъ васъ въ восторгѣ! Вы, говорятъ, просто совершили подвигъ! Ахъ, я всегда ждала отъ васъ чего вибудь необыкновеннаго... Поздравляю, поздравляю!

Бѣл. (озабоченно). Благодарю, кузина, но, къ сожалѣнію, я очень занятъ... Иванъ! (Входитъ лакей.) Сейчасъ же послать въ аптеку...

Лак. Слушаю-съ! (Беретъ рецептъ и быстро уходитъ.)

Бѣл. (пожимаетъ ей руку). Простите же, кузина... Я долженъ быть у больного...

Тун. (задерживаетъ его). Нѣтъ, нѣтъ... два слова... Только два слова... я тороплюсь... но я должна, понимаете—должна вамъ сказать...

Бѣл. (недовольный). Ахъ... Ну, говорите!... Вѣдь пустяки какіе нибудь!..

Тун. (обиженно). Ну, вотъ, я вамъ желаю добра, а вы меня обижаете! Я встрѣтила доктора Загницкаго. Вѣдь онъ вашъ заклятый врагъ, кузень... Совѣтую вамъ остерегаться его и не дразнить... Вы знаете, что онъ мнѣ сказалъ? Вѣдь онъ такой ядовитый и способенъ на все... Н-да,

говорять, тотъ занять наукой, а тотъ катаньемъ... у всякаго свой вкусъ...

Бѣл. (*строю*). Я не понимаю, о чемъ вы говорите, кухня...

Тун. (*удивленно*). Не понимаете? Это такъ ясно... Гнусный намекъ на Ольгу и Ратищева...

Бѣл. (*выйдя изъ себя*). Да, гнусный намекъ... И вы не постыдились повторить его мнѣ!.. Вы не могли отказать себѣ въ удовольствіи подобрать эту грязь на улицѣ и принести ее въ мой домъ...

Тун. Кузень!

Бѣл. (*по прежнему*). Помните же, что если вы посмѣете повторить это громко гдѣ-нибудь, слышите ли гдѣ-ни-будь...

Тун. Этого я отъ васъ никогда не ожидала, кузень...

Бѣл. (*въ высшей степени нервно*). Ахъ, оставьте же меня въ покоѣ... Прошу васъ!

Тун. (*отступаетъ*). Вотъ какъ! Отлично! Покорно васъ благодарю, кузень! Покорно благодарю! (*Уходитъ*.)

Бѣл. (*задумывается. Входитъ Карчесвъ и останавливается на порогѣ*).

Кар. (*тревожно*). Профессоръ!.. (*Бьлозеровъ не слышитъ*.)

Бѣл. (*очнувшись*). Хорошо... я... я сейчасъ... (*Карчесвъ уходитъ. Бьлозеровъ опять задумывается. Потомъ откидываетъ мысль*.) О, что за нелѣпыя мысли! Дѣло ждеть!.. (*Громко вслѣдъ Карчесву*.) Я иду! (*Рѣшительно идетъ къ комнатѣ больноу*.)

Занавѣсъ.

ДВѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная въ домъ Бьлозеровыхъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Варя и Тавлиновъ.

(*Варя сидитъ въ креслѣ и читаетъ книгу. Входитъ Тавлиновъ.*)

Варя (*удивленно*). Папа? (*Встаетъ и идетъ къ нему на встрѣчу*.) Когда ты пріѣхалъ? (*Цѣлуетъ съ нимъ*.) Я рада!

Тав. Вчера ночью, мое дитя... Изъ самой Тавлиновки на лошадахъ.. Пріѣхалъ разбитый, усталый,—прямо въ Европейскую и спать... А сегодня визиты дѣлаю...

Варя. Намъ — визитъ? Какъ тебѣ не стыдно?

Тав. Ну, что тамъ?! Я пошутялъ... Какой тамъ визитъ?... Пріѣхалъ навѣстить...

Варя. Надолго?

Тав. Денька на два... а отсюда въ Парижъ...

Варя. Опять? Какой ты непосѣда... И такой же франтъ, какъ всегда. А впрочемъ,—весна, ты вѣдь безъ парижской весны жить не можешь... Здоровъ?...

Тав. (*садится*). Совершенно здоровъ... если не считать ревматизма, невралгій и катарра желудка... Ну, а у васъ тутъ какъ? Благополучно?

Варя. Да, папа.

Тав. Все? Рѣшительно все?

Варя. Рѣшительно все. Почему ты такъ спрашиваешь?

Тав. Та-акъ... (*Пауза*.) А скажи, Варя, не находишь ли ты, что Ольга ведетъ себя нѣсколько... неосторожно... да, неосторожно?

Варя. Что ты хочешь этимъ сказать?

Тав. Знаешь, я не люблю вмѣшиваться въ чужія дѣла... Терпѣть этого не могу... Но мнѣ кажется... что поведение Ольги...

Варя. Что ты, папа? Ольга такая милая, хорошая...

Тав. Я въ этомъ ни на минуту не сомнѣваюсь... ни на минуту! Ты знаешь, какъ горячо я люблю васъ обѣихъ, и что Ольга—моя слабость. И я не хочу сказать, чтобы въ поведеніи Ольги было что-нибудь... что-нибудь нехорошее. Я не хочу этого сказать!.. Но на свѣтъ, милая моя, все условно. И то, что хорошо въ данномъ мѣстѣ, въ другомъ можетъ быть неудобно, да... неудобно.

Варя. Я не понимаю, папа, о чемъ ты говоришь.

Тав. А о томъ, дитя мое, что образъ жизни Ольги, эти катанья верхомъ съ этимъ... гмм... Ратищевымъ, и тому подобное, — все это было бы и считалось бы всѣми... въ порядкѣ вещей... да, въ порядкѣ вещей... если бы она принадлежала къ другому кругу. Но въ качествѣ жены такого серьезнаго и почтеннаго человека, какъ Петръ Григорьевичъ, это всѣ находятъ... какъ бы тебѣ сказать... дисгармоничнымъ... да, именно: дисгармоничнымъ...

Варя. И пусть находятъ... Надо только, чтобы онъ этого не находилъ...

Тав. Въ этомъ взглядѣ я узнаю вліяніе Петра Григорьевича, да его вліяніе. И знаешь что, Варя? глядя на твой ровный характеръ, я иногда думаю, что Петру Григорьевичу болѣе подходила бы такая жена, какъ ты...

Варя Полно, папа!.. Ты Богъ знаетъ, что говоришь. Петръ Григорьевичъ любить Ольгу, значить она ему и подходитъ. (*Входитъ справа, изъ кабинета Бѣлозеровъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Варя, Тавлиновъ и Бѣлозеровъ.

Бѣл. А! Дорогой гость! (*Цѣлуется съ Тавлиновымъ.*) Радъ васъ видѣть... Давно? Надолго? А что же Ольги нѣтъ? Она знаетъ? Вотъ для нея будетъ радость!

Варя. Ольга не знаетъ. Я сейчасъ скажу ей! (*Уходитъ направо.*)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тавлиновъ и Бѣлозеровъ.

Тав. Ну, признаюсь, Петръ Григорьевичъ, я испытываю истинное удовольствіе имѣть такого зятя, какъ вы... да, именно истинное удовольствіе.

Бѣл. О, вотъ какъ!

Тав. Какъ же! Я за сегодняшнее утро ужъ успѣлъ столько наслышаться о васъ... Въ гостинныхъ только и разговоръ, что о вашей замѣчательной операци... только и разговоръ.. Газеты кричатъ о ней. Говорятъ: что-то новое, смѣлое... да, именно: смѣ-ло-е. Рѣшительно у меня знаменитый зять!...

Бѣл. Ну, что-жъ, — поздравляю васъ съ знаменитымъ зятемъ. Впрочемъ, тутъ есть кое-что утѣшительное: все-таки въ гостинныхъ толкуютъ о научной работѣ, а не о цирковой наѣздницѣ.

Тав. Все это хорошо... да, это прекрасно, но...

Бѣл. А, и у васъ есть „но“... Вы хотите сказать: не увлекаюсь ли я?

Тав. О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ... Я не объ этомъ... Я о другомъ.

Бѣл. О другомъ? Я васъ слушаю, Павелъ Алексѣевичъ!

Тав. (*встаетъ и нѣжно обхватываетъ правой рукой его талію.*) Вы меня простите, мой дорогой... вы знаете, я терпѣть не могу соваться въ чужія дѣла... но я позволю себѣ нѣкоторую откровенность. Я человѣкъ старый, люблю васъ сердечно. и мнѣ можно извинить это...

Бѣл. О, безъ сомнѣнія!

Тав. Такъ вотъ, видите ли. . . Сказалъ я вамъ, что въ гостинныхъ говорятъ о вашей операци. Это правда, но говорятъ также и о другомъ...

Бѣл. Какое же мнѣ дѣло до этого?

Тав. Погодите, дорогой мой. Выслушайте! Конечно, свѣтъ любить злословить, и гостинныя всего міра разрушились бы... о, непременно разрушились бы... если

бы каждый день не появлялась на свѣтъ какая-нибудь милая гнусность про ближняго... Свѣтъ ненавидитъ тѣхъ людей, про которыхъ нельзя сказать ничего дурного. Именно: ненавидитъ... Все это такъ... Но когда толки касаются такого... почтеннаго, бузуречнаго, такъ высоко стоящаго въ общественномъ мнѣніи человѣка, какъ вы...

Бѣл. Толки обо мнѣ, какъ о человѣкѣ? Кого же это можетъ интересовать?

Тав. О, многихъ, многихъ, мой другъ! Всюду говорятъ о васъ не только, какъ объ ученомъ, но и какъ о человѣкѣ... о вашей семьѣ... объ Ольгѣ... да, и объ Ольгѣ... Ольга, конечно, выше всякихъ толковъ... О, конечно! Я терпѣть не могу совать свой носъ въ чужія дѣла... Но у этого господина... я говорю о Ратищевѣ... ужъ такая репутація, что одно только появленіе его въ домѣ, гдѣ есть молодая женщина, даетъ... даетъ нѣкоторый поводъ для... толковъ и намековъ...

Бѣл. (*подавляя волненіе.*) Признаюсь, мнѣ не хотѣлось бы слышать это отъ васъ, Павелъ Алексѣевичъ... Вы сами говорите, что Ольга выше всякихъ подозрѣній. И это правда. И это достаточно. Ольга такое правдивое существо, ея натурѣ не свойственна ложь... И если бы меня постигло это страшное горе, и въ ея чувствѣ ко мнѣ явилось бы малѣйшее колебаніе, то она пришла-бы и мнѣ первому сказала бы объ этомъ. Къ чему же эти рѣчи? Къ чему повторять здѣсь какіе-то праздные толки праздныхъ людей, которыхъ мы съ вами даже не уважаемъ? Я люблю Ольгу и знаю, что она меня любить. Но изъ этого не слѣдуетъ, что она должна мыслить, какъ я, и выбирать себѣ общество по моему, а не по своему вкусу. Ратищевъ, конечно, человѣкъ не въ моемъ вкусѣ. И его присутствіе въ нашемъ домѣ не доставляетъ мнѣ удовольствія... Я этого не скрываю.. Но онъ давній знакомый вашъ и Ольги, и мы не можемъ отказать ему въ порядочности. А этого вполне достаточно, чтобы онъ имѣлъ право посѣщать нашъ домъ. Вотъ мой взглядъ, Павелъ Алексѣевичъ. И я думаю, что этимъ исчерпывается вопросъ. Не такъ ли?

Тав. Прекрасный взглядъ, рыцарскій взглядъ... Да, именно: рыцарскій. Если бы мы не жили въ извѣстной средѣ и такъ или иначе не зависѣли отъ нея...

Бѣл. (*горячо.*) Я этого не признаю. Если мы стоимъ выше среды, то мы должны подчинять ее себѣ, а не подчиняться ей. Я не могу такъ жить, чтобы съ ка-

едрь проповѣдывать истину, а, выйдя на улицу, лгать вмѣстѣ съ другими. И... вотъ что, Павелъ Алексѣевичъ, люблю я васъ искренно,—вы это знаете... Но даже вамъ это не позволяю. Давайте же общаемъ другъ другу, что въ этомъ домѣ болѣе никогда не будетъ высказано малѣйшее сомнѣніе на счетъ нашей милой Ольги!

Тав. Ну, вы меня совсѣмъ пристыдили... совершенно пристыдили... Дайте же, я васъ расцѣлую! (*Цѣлуетъ его.*) Лишній разъ только убѣждаюсь, какому благородному человѣку я отдалъ свою дочь!... (*Слѣва взходитъ Ольга.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тавлиновъ, Бѣлозеровъ и Ольга.

Ольга (*съ радостью идетъ къ Тавлинову и цѣлуетъ его*). Ахъ, папочка, какой ты милый! Ты всегда внезапно прѣзжаешь! (*Цѣлуетъ его.*) И какой красавецъ! Ты помолодѣлъ, право! Ну, ты, конечно, никуда больше не поѣдешь и общаешь съ нами!... Мы давно съ тобой не болтали.

Тав. Признаюсь, что я красавецъ и довольно еще молодъ, и пообщать, и поболтать не прочь, дѣтка моя. Но сейчасъ у меня есть дѣло. (*Смотритъ на часы.*) О, я едва-едва успѣю въ банкъ... (*Беретъ шляпу.*) Общаете, по прежнему, въ пять?

Ольга. Конечно. Только это всадно, что ты убѣждаешь. Мнѣ, право, такъ скучно...

Тав. И ты думаешь, что я развлеку тебя? Ха, ха! Ну, едва ли! За этимъ обратись къ твоему мужу... Дѣло, дитя мое, дѣло... Я не прощаюсь. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Бѣлозеровъ и Ольга.

Ольга (*садится*). Ты теперь будешь дома, Петя? Никуда не уѣдешь?

Бѣл. Полчаса еще пробуду дома, Ольга, а тамъ у меня лекція. Я сегодня въ первый разъ демонстрирую нашего больного въ клиникѣ...

Ольга. Опять?!

Бѣл. (*подсаживаясь къ ней*). Не сердись, мой дружокъ. Я знаю что не правъ, вѣчно оставляя тебя одну. Ты почти никуда не ѣздишь изъ-за меня. И ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ грустно сознавать это... Да, наука слишкомъ многого отъ насъ требуетъ. Она беретъ всего человѣка, со всѣми его силами...

Ольга (*наскаясь къ нему*). Я ревную тебя къ ней... Нѣтъ, серьезно, серьезно... И я хотѣла бы, чтобъ ты доказалъ мнѣ,

что любишь меня больше, чѣмъ свою науку...

Бѣл. Чѣмъ же, Ольга?

Ольга. Ну, хотя бы тѣмъ, что поѣхалъ бы съ нами за городъ. Сегодня такой чудный весенній день...

Бѣл. Ты говоришь это серьезно?

Ольга. Серьезно. Я сегодня ставлю тебѣ дилемму (*полушутливо*) наука или я,

Бѣл. Но такая дилемма невозможна. Видишь ли, Ольга, когда я былъ еще юношей, я любилъ только науку и любилъ ее горячо, не только умомъ, но и сердцемъ. И въ моихъ пылкихъ мечтахъ она рисовалась мнѣ въ видѣ женщины—живой, прекрасной. И мнѣ грезилось, что эта женщина когда-нибудь встрѣтится на моемъ пути. И когда я первый разъ увидѣлъ тебя,—помнишь, у постели твоей умирающей матери,—я былъ пораженъ какой-то дѣтской простотой, искренностью и правдивостью, въ которыхъ выражалась твоя скорбь. Тогда я сказалъ: вотъ она. И полюбилъ тебя. Въ этой любви, Ольга, слились для меня всѣ грезы юности. И мнѣ всегда казалось, что если бы я былъ какъ нибудь неправъ по отношенію къ тебѣ, то былъ бы неправъ и передъ наукой. И если бы я въ чемъ-нибудь не исполнилъ мой долгъ передъ наукой, то этимъ оскорбилъ бы тебя. Она и ты—вы для меня одно существо, которому я отдаю всю мою душу...

Ольга. Мнѣ это не нравится...

Бѣл. Значить, ты не понимаешь меня, Ольга...

Ольга (*осторожно отстраняется отъ него*). Можетъ быть... (*Нервничаетъ.*) Что же дѣлать? Очевидно, для меня это слишкомъ возвышенно... Я простой человѣкъ и хочу, чтобы меня любили, какъ меня, а не какъ олицетвореніе науки...

Бѣл. Ну, ты просто придираешься и нервничаешь. Это не хорошо. Я замѣтилъ, что ты какъ то утратила свою прежнюю, беззаботную веселость.

Ольга. Не совсѣмъ. И вчера, напримѣръ, я очень много смѣялась...

Бѣл. Чему?

Ольга. Владиміръ Николаевичъ рассказывалъ мнѣ смѣшную исторію...

Бѣл. О чемъ же тебѣ рассказывалъ Владиміръ Николаевичъ?

Ольга (*смѣется*). Ахъ, у него была дуэль съ какимъ-то французомъ, съ которымъ онъ встрѣтился гдѣ то въ Италіи, когда былъ еще почти юношей... Это очень смѣшно... Но у него была потомъ другая дуэль—серьезная. И онъ, ты знаешь, убилъ своего противника.

Бѣл. Ты говоришь это такимъ тономъ, какъ будто въ этомъ есть что-нибудь хорошее...

Ольга. А что-жъ? Это во всякомъ случаѣ говорить о его храбрости и ловкости.

Бѣл. Это говорить, мой другъ, о грубости и жестокости... Дуэль—остатокъ варварства... она имѣла смыслъ, когда умъ человѣческой былъ слабъ и безпомощенъ. И всѣ вопросы поневолѣ разрѣшались грубой силой оружія. Теперь въ нашемъ распоряженіи есть другіе способы, болѣе достойные развитого ума...

Ольга. А дуэль все таки существуетъ... И ты самъ навѣрно сдѣлалъ бы вызовъ, если-бъ... ну... напримѣръ...

Бѣл. Не трудись напрасно подыскивать примѣръ... Подобный случай невозможенъ.

Ольга (*беретъ хлысть и безсознательно размахиваетъ имъ*). Какъ, ты не вызвалъ бы, если-бъ тебя оскорбили?

Бѣл. Что это у тебя?

Ольга. О чемъ ты?

Бѣл. Откуда этотъ хлысть?

Ольга. Ахъ, это Ратищевъ вчера забылъ...

Бѣл. Странная манера оставлять въ гостиныхъ жокейскія принадлежности.

Ольга. Но это такіе пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить... Ну а если-бъ тебя вызвали... Неужели ты отказался бы?

Бѣл. Да. Если бы я былъ въ чемъ-нибудь неправъ, то нашелъ-бы другой, болѣе разумный способъ дать удовлетвореніе. (*Искося взглянувъ на хлысть*.) Странно, что тебя забавляетъ этотъ... эта игрушка...

Ольга (*съ полуулыбкой, замѣтивъ, что его это волнуетъ*). Такъ, хочется что-нибудь держать въ рукахъ... И такъ, ты не принялъ-бы вызовъ, рискуя быть обвиненнымъ въ трусости?... А я не знала, что у тебя такой взглядъ на дуэль...

Бѣл. Этотъ взглядъ, Ольга, вытекаетъ изъ всего моего міросозерцанія. Трусость или храбрость здѣсь на при чемъ. И было бы странно, если бы я думалъ иначе... (*Ольга слегка машетъ хлыстомъ. Вспыхиваетъ*.) Оставь, пожалуйста, этотъ хлысть. Я не могу этого видѣть... Это меня раздражаетъ... Оставь!...

Ольга (*встаетъ и бросаетъ хлысть. Смотритъ на него съ недоумѣніемъ*). Вотъ ты какой! Я этого отъ тебя не ожидала...

Бѣл. (*овладѣвъ собой*). Прости, пожалуйста... У меня нервы разстроены... (*Беретъ ее руку и цѣлуетъ*.) Видишь ли, я очень озабоченъ. Этотъ докладъ, интриги, и тысячи мелочей... Ради Бога, извини эту вспышку...

Ольга. Да, ты ужасно нервенъ. Ты за-

работался... Тебѣ надо отдохнуть. А кстати, я послала за ложей. Не поѣдешь ли ты съ нами въ оперу? И Варя ѣдетъ. Вотъ и развлекся бы...

Бѣл. Сегодня? У меня въ семь часовъ докладъ въ обществѣ врачей... Чрезвычайно серьезный докладъ...

Ольга Вотъ видишь! Какъ жаль!.. Въ такомъ случаѣ намъ придется пригласить Ратищева...

Бѣл. (*слегка вздрагиваетъ, хмурится, но тотчас овладѣваетъ собой*). Да... Ну, что-жъ... разумѣется. Отчего-же не пригласить?... (*Подумавъ*.) А впрочемъ, я, можетъ быть, поторопился съ докладомъ и успѣю. Да и навѣрно успѣю... Вѣдь начало въ восемь? Разумѣется, успѣю!... (*Входитъ лакей*.)

Лакей. Федоръ Михайловичъ Синицынъ...

Бѣл. Синицынъ? Странно! Онъ долженъ бы ждать меня въ клиникѣ... Проси! (*Лакей уходитъ*.) Не сердись же на меня, мой другъ, за эту глупую вспышку!... Видишь ли, вся бѣда въ томъ, что мы созданы изъ духа и плоти, этихъ вѣчныхъ, непримиримыхъ враговъ, которые ежеминутно борются и наступаютъ другъ на друга. То былъ моментъ слабости духа... И я, конечно, былъ жалокъ и смѣшонъ. Но вотъ я теперь совсѣмъ другой... Ты уходишь? (*Цѣлуетъ ее руку*.)

Ольга. Я хочу съѣздить въ гостиный. У меня на сегодня нѣтъ перчатокъ.

Бѣл. Отлично. (*Смотритъ на Ольгу*.) Такъ имѣй въ виду, что я постараюсь поспѣть къ оперѣ...

Ольга. Ты не можешь представить себѣ, какъ я буду этому рада! (*Уходитъ нальво. Тотчасъ входятъ Синицынъ и Карчевъ*.)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Бѣлозеровъ, Синицынъ и Карчевъ.

Бѣл. (*подавая имъ руку*). А я вѣдь къ вамъ собираюсь... Развѣ вы забыли, что въ два часа мы демонстрируемъ больного пятому курсу?

Син. (*нервный и растерянный*). Н... нѣтъ... Какъ же. Я знаю, но мы такъ—забѣжали...

Бѣл. Что нибудь случилось? Ой, что то у васъ есть... Лица спокойны у обоихъ... Неужто скрываете отъ меня? Больному худо?

Син. Мы оставили его въ хорошемъ положеніи.

Бѣл. Напрасно вы оставили его, Федоръ Михайловичъ... я никому не вѣрю, кромѣ васъ... Этотъ вашъ помощникъ Фроловъ...

онъ мнѣ не нравится... Ну-съ, такъ что-нибудь другое?

Кар. Право же, профессоръ, ничего...
(*Переладывается съ Синицынымъ.*)

Бѣл. Приходится вамъ вѣрить... И тѣмъ лучше... Ну, пойдите въ клинику.

Син. Я только хотѣлъ на счетъ вечерняго доклада... Загницкій открыто агитируетъ среди врачей противъ васъ, и разумѣется, находитъ сторонниковъ... (*Заикаясь отъ волненія.*) Они спо... способны сдѣлать скандалъ... Не лучше ли было бы отложить докладъ.

Бѣл. О, стану я бояться этихъ подпольныхъ крысъ, которыя вредятъ только въ темнотѣ, а чуть завидятъ свѣтъ, тотчасъ боязливо разбѣгаются!... Правда на моей сторонѣ и мнѣ нѣтъ до нихъ дѣла... Идемъ же въ клинику!

Син. (*тихо Карчеву*). Идите съ нимъ и смотрите въ оба... А я останусь...

Кар. Я съ вами пойду, профессоръ. А Федоръ Михайловичъ догонитъ насъ...

Син. Да... мнѣ надо сказать два слова Варварѣ Павловнѣ...

Бѣл. Поторопитесь. Вы мнѣ нужны въ клиникѣ. Идемъ! (*Бѣлозеровъ и Карчевъ уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Синицынъ, лакей.

Син. (*выждавъ нѣсколько секундъ, открываетъ дверь въ переднюю*). Послушайте, Иванъ! (*Входитъ лакей.*) У васъ получаютъ „Вѣстникъ“?

Лакей. Какъ-же-съ!.. Только его мы не читаемъ.

Син. Гдѣ сегодняшній?

Лакей. Лежить въ передней, даже не развернуть...

Син. Принесите. (*Лакей уходитъ и тотчасъ возвращается съ газетой.*) И сейчасъ же попросите сюда Варвару Павловну. Скажите: очень нужно.

Лакей. Слушаю-съ! (*Уходитъ налево. Синицынъ разворачиваетъ газету и отыскиваетъ глазами какую-то статью. Слѣва входятъ Варя и Ольга. Последняя въ накидку и шляпку. Синицынъ торопливо складываетъ газету.*)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Синицынъ, Варя и Ольга.

Ольга (*мимоходомъ*). Здравствуйте, Федоръ Михайловичъ... А Петя уже ушелъ?

Син. (*съ смущеніемъ*). Да... я тоже сейчасъ... Варвара Павловна просила одну научную справку... Такъ я... (*Варя съ не-*

доумтніемъ смотритъ на него.) Помните, Варвара Павловна... насчетъ... мм... насчетъ...

Варя. Д... да... Благодарю васъ.

Ольга. Ты занимаешься наукой, Варя?

Варя. Немного...

Ольга. Вотъ какъ... Ну, до свиданья, Федоръ Михайловичъ... Такъ, Варя, если зайдетъ Ратищевъ, не забудь сказать, что мы сегодня въ оперѣ... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Синицынъ, Варя и горничная.

Варя. Что случилось? Зачѣмъ вы выдумали справку? Какая справка?

Син. (*не сдерживаясь*). Никакой справки, а просто—гнусность, гнусность безпредѣльная... Вотъ въ этой мерзкой газетѣ—пасквиль... Понимаете? Имена вымышлены, но такъ прозрачно, что дуракъ пойметъ... Отвратительные намеки на Петра Григорьевича, Ольгу Павловну, Ратищеву... Понимаете вы? Понимаете? Гаже ничего нельзя придумать.

Варя. Но кто же посмѣлъ это сдѣлать?

Син. Кто? Анонимъ! Подобныя вещи всегда анонимны... Но можно догадываться, кто... Ну, да не въ этомъ дѣло. А въ томъ, чтобы ни Петръ Григорьевичъ, ни Ольга Павловна ни подъ какимъ видомъ не прочитали этого и чтобы кака-нибудь гадина, — извините, что я такъ выражаюсь, — не намекнула имъ... Карчевъ оберегаетъ Петра Григорьевича... Онъ отъ него не отходитъ... А вамъ нужно быть около Ольги Павловны. Вотъ эту же гнусную газету мы сейчасъ сожжемъ... (*Подходитъ къ камину, зажигаетъ спичку и сжигаетъ газету.*)

Варя. Какъ все одно за другимъ... Пожалуй я потеряю спокойствіе... Такъ я пойду въ пассажъ и буду съ Ольгой... Маша! (*Входитъ слѣва горничная*)

Маша. Что угодно, барышня?

Варя. Накидку и шляпу! (*Маша уходитъ и приноситъ накидку и шляпу. Варя быстро одѣвается и идетъ къ двери. Маша уходитъ. На порогѣ Варя встрѣчаетъ Тавлинова.*)

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Синицынъ, Варя, Тавлиновъ.

Тав. Куда, куда, дитя мое? Постой... Ты мнѣ нужна... А, здравствуйте, Федоръ Михайловичъ... Что это у васъ тутъ дѣлается? У меня голова кругомъ идетъ... Да что онъ, слѣпъ, что ли, мой зять?

Варя. Ты говоришь, пала, о статьѣ?

Тав. Разумѣется... А ты знаешь? Весь

городъ читаетъ и посмѣивается... Что же это такое?

Варя. Поговори, папа, съ Федоромъ Михайловичемъ. Мнѣ надо сгѣшить! (*Уходитъ.*)

Тав. Ну, какъ же съ Федоромъ Михайловичемъ? Все-таки онъ посторонній человѣкъ... какъ же о такомъ дѣлѣ? Извиняйте, пожалуйста!...

Син. Э, что тутъ извиняться!.. Я близкій человѣкъ Петру Григорьевичу и головой ручаюсь, что въ статьѣ все клевета отъ перваго до послѣдняго слова. Но надо его охранять, чтобы онъ ничего не узналъ... Вы должны способствовать... Проклятую газету мы сожгли уже... Однако, добрые люди, навѣрно, постараются сообщить... Ахъ, вы не знаете, сколько враговъ у Петра Григорьевича! Его научный успѣхъ создалъ ихъ цѣлую шайку.

Тав. Знаю, знаю, видѣлъ, постигъ!.. Да, надо оберегать его, охранять. Будемте вмѣстѣ!.. Ахъ, какъ это все прискорбно!.. Я говорилъ, что этотъ господинъ всюду вноситъ несчастье...

Син. (*нервно*). Мнѣ пора въ клинику, однако. (*Раздается сильный звонокъ.*) Что еще тамъ? (*Быстро входитъ Блосеровъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Синицынъ, Тавлиновъ и Блосеровъ.

Бл. (*сильно взволнованный*). Ну, ужъ этого я даже вамъ не могу простить, Федоръ Михайловичъ! Я говорилъ вамъ, что нельзя оставлять клинику на минуту... Я говорилъ, что этотъ Фроловъ—человѣкъ ненадежный.. И вотъ все это оправдось...

Син. Что же случилось?

Бл. Какъ только вы ушли, тотчасъ же Фроловъ разрѣшилъ больному сдѣлать прогулку... Что я говорю: разрѣшилъ? Посоветовалъ... И, разумѣется, тотчасъ же ему сдѣлалось хуже... Я не могъ демонстрировать, я долженъ былъ отложить... И Богъ знаетъ, къ чему это поведетъ... И какъ же вы?.. Ахъ, Боже мой... Вы же знаете, что Фроловъ креатура Загницкаго. Но нѣтъ, какія возмутительныя средства употребляютъ эти господа, чтобы достигнуть своей цѣли! Что общаго это имѣетъ съ наукой? Зачѣмъ эти люди называются врачами, а не торговцами мясомъ?.. Возмутительно, возмутительно!..

Син. Виноватъ, простите... Не ожидалъ этого...

Бл. Ну, полно! Въ чемъ вы виноваты? Это я погорячился... Не вы тутъ вино-

ваты... Развѣ можно жить на свѣтѣ, подозрѣвая на каждомъ шагу подлость?

Син. Но успокойтесь, Петръ Григорьевичъ... Нельзя такъ разстраиваться... Вамъ нуженъ отдыхъ... Вамъ бы уѣхать куда-нибудь на недѣлю, на двѣ...

Бл. Мнѣ уѣхать! Въ самомъ разгарѣ работы, когда дѣло кипитъ, я брошу его для отдыха? Что же я, по вашему, такое?

Тав. Федоръ Михайловичъ правду говорить. Да, вамъ нужно отдохнуть, дорогой мой... непременно надо. И самое лучшее: ко мнѣ въ деревню, въ Тавлиновку. Ваша матушка какъ будетъ рада... Она вѣдь соскучилась по васъ... ужасно стосковалась... А главное для Ольги это хорошо. Она нервничаетъ, блѣдна... Подумайте, какъ это полезно... деревенскій воздухъ и проч...

Бл. (*успокоиваясь*). Можетъ быть, вы и правы... Это было бы хорошо... (*Задумывается.*) Ахъ, да, вотъ что, Павелъ Алексѣевичъ: не поѣдете ли вы сегодня въ оперу?..

Тав. (*удивленно*). Въ оперу? Почему это вдругъ въ оперу?

Бл. Такъ, Ольга взяла билетъ... А я не могу... У меня докладъ... Хотѣлось бы, чтобы вы поѣхали...

Тав. Пожалуй... Я поѣду... Съ удовольствіемъ поѣду...

Бл. (*жметъ ему руку*). Спасибо вамъ!.. Вы меня очень, очень обяжете... (*Вспоминаетъ.*) Я ничего не знаю возмутительнѣе этого поступка!.. Какъ работать съ такими товарищами? Съ этимъ нельзя примириться... никогда... (*Входитъ лакей.*)

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ же и лакей.

Лакей. Иванъ Степановичъ Загницкій.

Син. (*съ изумленіемъ*). Загницкій?

Бл. Да, это въ самомъ дѣлѣ нѣсколько странно...

Тав. Кто такой этотъ Загницкій?

Син. (*тихо ему*). Самый заклятый врагъ Петра Григорьевича и, можетъ быть, авторъ... Понимаете?.. (*Грохко Блосерову.*) Неужели вы его примете, Петръ Григорьевичъ?

Бл. Какъ-же я могу не принять, если онъ ко мнѣ пріѣхалъ? (*Лакею.*) Присл! (*Лакей уходитъ.*) Но это не просто... люди становятся особенно любезны съ нами, когда они сдѣлали намъ какую-нибудь гадость... (*Синицынъ и Томилинь перелядываются и садятся въ отдаленіи.* *Входитъ Загницкій.*)

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Тѣ же и Загницкій.

Заг. (кланяется.) Профессоръ... Я пріѣхалъ къ вамъ очистить душу... Вы должны это понять...

Бѣл. (указывая на стулъ). Прошу васъ...

Заг. (садится). Этого третьягодняшній эпизодъ... Нѣкоторыя невольно вырвавшіяся рѣзкости... Если вы вспомните, профессоръ, всё мы, не исключая и васъ, были въ тѣ минуты нервно настроены... Вѣдь вы не можете этого не признать, не такъ ли?..

Бѣл. Я признаю это, но... право, не могу понять зачѣмъ возвращаться къ этому предмету..

Заг. Я же говорю вамъ, профессоръ: хочу очистить душу... Мысль, что вы можете придать моимъ словамъ какой-нибудь особенный смыслъ... Эта мысль лишаетъ меня покоя... Повѣрьте, что для меня было бы очень тяжело, если бы этотъ эпизодъ повліялъ на наши отношенія и далъ бы вамъ поводъ думать, что мое всегдашнее уваженіе къ вамъ, профессоръ...

Бѣл. Извините меня, докторъ..

Заг. Позвольте мнѣ высказаться... Едва ли найдется на свѣтѣ человѣкъ, у котораго не было бы враговъ... Вы это сами знаете, профессоръ...

Бѣл. Да, я это слишкомъ хорошо знаю, докторъ...

Заг. Такъ вотъ-съ, и у меня есть враги... Они имѣютъ дерзость намекать, что будто разные злонамѣренные слухи и сплетни... (Синицынъ безпокойно дѣлаетъ Загницкому знаки, чтобы онъ молчалъ.)

Бѣл. Слухи и сплетни... Какое же мнѣ до всего этого дѣло?

Заг. Я не сталъ бы затрогивать этого неприятнаго вопроса, если бы сюда не впутывали мое имя... Но могу васъ увѣрить, профессоръ, что я возмущенъ этимъ болѣе, чѣмъ кто бы то ни было другой... (Синицынъ энергично повторяетъ знаки.)

Бѣл. (безпокойно). О чемъ вы говорите? Я васъ не понимаю...

Заг. Я говорю, профессоръ...

Син. (встаетъ). А скажите, докторъ... Простите, что я васъ перебиваю... Вы, вѣроятно, знаете, какая программа сегодня въ обществѣ врачей...

Заг. Гм... Въ обществѣ врачей? Гм... Не помню... (Бьлозерову.) Такъ я хочу сказать, что возмущенъ до глубины души... И наконецъ, эти господа осмѣливаются приписывать мнѣ даже такую гадость, какъ...

Син. (во время произнесенія послѣдней фразы жестами убѣждаетъ Тавлинова вмешаться).

Тав. (поспѣшно перебивая Загницкаго, Бьлозерову). Ахъ, Боже мой, я совершенно забылъ... (Изъисканно-въжливю Загницкому.) Извините, пожалуйста... я перебиваю васъ, рискуя быть невѣжливымъ, но дѣло экстренное. (Бьлозерову.) Вотъ что, дорогой мой... Я сейчасъ былъ въ банкѣ... И тамъ... э-э... Помните наше обязательство? Такъ э-э...

Заг. (встаетъ). Въ такъ случаѣ... я... вижу, что пріѣхалъ не во время... Имѣю честь кланяться. (Кланяется.)

Бѣл. Я извиняюсь...

Заг. Нѣтъ, что-жъ... Не въ пору гость... Это ужъ видно... Это видно... (Уходитъ.)

Бѣл. (стоитъ нѣкоторое время въ раздумьѣ. Потомъ къ Синицыну и Тавлинову). Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Въ его присутствіи я чувствую себя такъ, словно меня насильно погружаютъ въ грязь... Что это за намеки? О чемъ онъ говорилъ? Что все это значитъ?

Син. Ахъ, Петръ Григорьевичъ, не обращайтесь вниманія... Знаете, собака лаетъ—вѣтеръ носить!..

Бѣл. Нѣтъ, нѣтъ... Такіе люди ничего не дѣлаютъ даромъ... И вы помѣшали ему что-то досказать... Я ничего не понимаю, но чувствую, чувствую... Словно воздухъ отравленъ ядомъ... Тысячи мелочей, пустяковъ врываются въ мою жизнь... Что вы отъ меня скрываете? Говорите все... я не боюсь правды...

Тав. (подходитъ къ нему и нѣжно обнимаетъ его талию одной рукой). Дорогой мой... Ничего такого нѣтъ... Право же, ничего...

Бѣл. Хотѣлось бы мнѣ вамъ вѣрить... Но... Что-то мнѣ мѣшаетъ... И къ чему имъ это? Ну, пусть они продѣлываютъ сами мерзости, если это ихъ забавляетъ... Но зачѣмъ имъ нужно втаскивать ихъ въ мой домъ?.. Ахъ, какъ все это меня разстраиваетъ... Какъ бы я хотѣлъ бѣжать отъ всего этого...

Тав. Полноте. (Беретъ его подъ руку и ведетъ къ двери направо.) Подлости на земномъ шарѣ всегда было вдоволь... О, достаточно.. Къ этому надо привыкнуть, мой другъ. Пойдемте въ кабинетъ и поболтаемъ. Мы давно не болтали. (Уводитъ его въ кабинетъ. Синицынъ уходитъ за ними. Входятъ Ольга и Варя.)

ЯВЛЕНИЕ 14-е.

Варя и Ольга, за ними горничная.

Ольга (горничной). Не заѣзжалъ Ратищевъ?

Гор. Нѣтъ, не бывали... (Снимаетъ съ

нея накидку и шляпу.) Варвара Павловна, васъ Митенька спрашивали!

Варя. А, Митя? Я сейчасъ! (*Горничная уходитъ.*)

Ольга (*утомленная садится*). Варя, голубушка, побудь съ нимъ, я отдохну.

Варя. Я побуду, не безпокойся!.. (*Уходитъ нальво. Входитъ горничная.*)

Гор. Владиміръ Николаевичъ... Можно принять ихъ?

Ольга. А! Проси, проси! (*Горничная уходитъ. Ольга нервно потягивается. Входитъ Ратищевъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 15-е.

Ольга и Ратищевъ.

Ольга. Здравствуйте, Владиміръ Николаевичъ!

Рат. (*съ мрачнымъ, немного натянутымъ видомъ, кланяется*). Здравствуйте, Ольга Павловна!

Ольга. Садитесь! Что это отъ васъ сегодня дуетъ такимъ сѣвернымъ вѣтромъ? Давно не видала васъ такимъ.

Рат. Ольга Павловна, къ сожалѣнію, я сегодня не въ состояніи забавлять васъ, хотя желалъ бы дѣлать это всю жизнь...

Ольга. Что значать эти рѣчи и этотъ взглядъ?

Рат. Они значать, что на меня нашло благоразуміе, и я попрошу васъ на минуту сосредоточиться и выслушать меня...

Ольга. Я слушаю.

Рат. Вы знаете, Ольга Павловна, что всякая игра кончается выигрышемъ для одной и проигрышемъ для другой стороны. Бываетъ и розыгрышъ, когда обѣ стороны ничего, кромѣ времени, не теряютъ и не приобрѣтаютъ. Но эта игра, которая тянулась слишкомъ долго—цѣлыхъ семь лѣтъ, Ольга Павловна, какъ вы знаете—эта игра, повидимому, кончается страннымъ образомъ: я проигрываю все, а вы въ то же время ничего не выигрываете... (*Ольга прикусила нижнюю губу.*) У меня есть достаточно причинъ, Ольга Павловна, наконецъ спросить васъ: какъ вы думаете: правъ ли я, полагая, что ничего никогда я не выиграю?.. Предупреждаю васъ, что это для меня имѣетъ огромное значеніе...

Ольга (*съ волненіемъ*). Я не могу ничего сказать вамъ, кромѣ того, что вы знаете, Владиміръ Николаевичъ...

Рат. (*кланяется*). Благодарю васъ и за это. Я не изъ тѣхъ, которымъ нужно договаривать все до конца; я понятливъ и ясно вижу положеніе... Безъ сомнѣнія,

васъ нисколько не тронетъ, если я скажу, что всѣ эти семь лѣтъ мучительно любилъ васъ. (*Ольга дѣлаетъ движеніе.*) Успокойтесь, я прѣхалъ съ самыми благоразумными намѣреніями. По поводу моихъ отношеній къ вамъ, которая всегда были самыми чистыми, въ городѣ стали ходить недостойныя сплетни и дошло даже до... Но не будемъ объ этомъ говорить... Это слишкомъ низко и я слишкомъ уважаю васъ, чтобы повторять это... Чтобы положить этому конецъ, я рѣшилъ уѣхать... я уѣзжаю за границу надолго, можетъ быть, навсегда... Я пришелъ проститься съ вами мирно, по-дружески и поблагодарить васъ за то, что вы все же были ко мнѣ благосклонны и выносили мое присутствіе. Васъ удивляетъ этотъ тонъ? Но каждый человѣкъ хоть разъ въ жизни бываетъ благоразуменъ... А затѣмъ... Безъ сомнѣнія, вы захотите получить обратно ваши письма, въ которыхъ вы все же оказывали мнѣ нѣкоторое довѣріе... Вотъ они... А я попрошу васъ возвратить мнѣ мои... Они вѣдь вамъ ни на что не нужны, Ольга Павловна. (*Даетъ ей пачку писемъ. Она беретъ.*)

Ольга (*смущенная*). Если вы хотите... Хотя въ нашихъ письмахъ не было ничего такого, что мы должны были бы скрывать отъ другихъ...

Рат. Тѣмъ менѣе они цѣнны и тѣмъ скорѣе ихъ слѣдуетъ уничтожить... Я какъ-то говорилъ вамъ, что въ своей жизни надѣлалъ много глупостей, но такой продолжительной у меня не было ни одной. Я просто не хотѣлъ бы, чтобы у кого-нибудь, а въ особенности у васъ, былъ памятникъ моей семилѣтней глупости...

Ольга. Хорошо... Я сейчасъ принесу ваши письма... (*Уходитъ. Ратищевъ въ раздумьи ходитъ по сценѣ. Справа входитъ Тавлинновъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

Ратищевъ и Тавлинновъ, потомъ лакей.

Тав. (*не замѣчая Ратищева*). Кто тутъ есть? Нѣтъ-ли какого-нибудь спирта или одеколону? Онъ совѣмъ расхворался... (*Замѣчаетъ Ратищева.*) А, Владиміръ Николаевичъ! (*Здоровается.*) Это почти кстати, что я васъ увидѣлъ... очень кстати...

Рат. (*мрачно кланяется*). Чѣмъ могу служить?

Тав. (*понижая голосъ*). Вы, вѣроятно, знаете объ этихъ... сплетняхъ... Статью эту гнусную читали, разумѣется... Вѣдь тамъ все ясно... Не можетъ быть сомнѣнія...

Тат. Да, я читалъ, къ сожалѣнію...

Рав. Ну, разумеется, къ сожалѣнію... Такъ вотъ... Все это очень печально и... признаюсь... хотя я и не люблю глѣзть со своими совѣтами, когда меня не спрашиваютъ... Но... Я предостерегалъ моего зятя отъ... однимъ словомъ отъ неосторожныхъ посѣщеній... Вы понимаете теперь сами!.. О, конечно, понимаете... какъ вамъ надо вести себя...

Рат. *(вспыхнувъ)*. Извините, я не признаю ни за кѣмъ права дѣлать мнѣ подобныя указанія; я самъ хорошо знаю, какъ мнѣ надо вести себя...

Тав. Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!.. Значить намъ и говорить не о чемъ... Не о чемъ и говорить... *(Входитъ лакей съ письмомъ на поднось и направляется къ кабинету.)* Постой, братецъ, куда это? Кому? Кто принесъ?

Лакей. Письмо Петру Григорьевичу... Почтой...

Тав. *(разматриваетъ конвертъ)*. Почтой? Гм... Кажется, ничего такого. *(Замѣчаетъ взглядъ Ратищева и смущается.)* Гм... Неси... *(Лакей уходитъ въ кабинетъ.)* Да... Такъ тѣмъ лучше... Именно: тѣмъ лучше... И я, слѣдовательно, могу считатьъ на ваше обычное благородство. *(Изъ кабинета выбѣгаетъ Синицынъ разстроенный.)*

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Ратищевъ, Тавлиновъ, Синицынъ, потомъ Ольга.

Син. Что вы надѣлали? Зачѣмъ вы не задержали письма? Негодяй прислалъ вырѣзку изъ газеты... Это ужасно!

Тав. *(хватаясь за голову)*. Что вы говорите? Можетъ ли это быть?

Син. Вы не можете представить, что съ нимъ сдѣлалось. Онъ виѣ себя. Я боюсь за него. *(Тревожно смотритъ на Ратищева. Входитъ Ольга, дѣлаетъ два шага, но, увидавъ Тавлинова и Синицына, останавливается. Всѣ въ волненіи смотрятъ на дверь кабинета.)*

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же и Бѣлозеровъ.

Бѣл. *(въ кабинетъ)*. Мерзавцы! Негодяи! *(Выходитъ, шпыный, держа въ рукахъ вырѣзку изъ газеты.)* Вотъ низость, которой нѣтъ имени... *(Замѣтивъ Ратищева, останавливается внѣ себя.)* А!.. Вы здѣсь! Зачѣмъ вы ходите сюда? Зачѣмъ нарушаете миръ въ моемъ домѣ? Что вамъ нужно отъ насъ? Смотрите! Любуйтесь!.. Чѣмъ мы обязаны вашимъ посѣщеніямъ... *(Шепчетъ по направленію къ нему сконченную бумагу.)*

Рат. Вы съ ума сошли! *(Дѣлаетъ движеніе.)*

Бѣл. Уйдите, уйдите... *(Теря самообладаніе.)* Слышите ли! Уходите отсюда...

Ольга *(растерянно)*. Петя... Ахъ!..

Рат. *(глядя на Ольгу и овлаждая собою)*. До свиданья, Ольга Павловна! *(Быстро уходитъ. Тавлиновъ и Синицынъ бросаются къ Бѣлозерову. Ольга, шатаясь, держится за спинку кресла.)*

Бѣл. *(закрываетъ лицо руками)*. Въ какого звѣря превратился я!.. Какое безуміе! Какое паденіе!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Линскій, Карчевъ, потомъ Бѣлозеровъ и лакей.

Кар. Тебѣ не показалось, что онъ какой-то странный?..

Лин. Да, есть что-то... Видно, чѣмъ-то озабоченъ... Кажется мы не во время пришли...

Кар. Да и вообще онъ въ послѣднее время какъ-будто самъ не свой... Даже въ лицѣ измѣнился... *(Входитъ Бѣлозеровъ съ книгой въ рукѣ.)*

Бѣл. *(отдаетъ книгу Линскому)*. Вотъ книга. Вы сами найдете въ ней что нужно... *(Ходитъ по кабинету.)* Этихъ источниковъ вамъ будетъ достаточно. Но если хотите быть вполне обстоятельными, возьмите журналъ „Medicinische Zeitung“ за... за позапрошлый годъ... Тамъ былъ

рядъ интересныхъ статей по этому вопросу... Вы читаете по нѣмецки?

Кар. Линскій читаетъ, но это все равно...

Бѣл. *(ходитъ некоторое время молча)*. Да... Такъ вотъ... Виноватъ, мы говорили... Да, да! И потомъ еще вотъ что: четыре года назадъ вышла по французски брошюра доктора Грелье. Не знаю, была ли она переведена у насъ? Запишите: „Новые клиническіе методы“ Грелье. Тамъ вы найдете удивительно ясную постановку вопроса... Но, главное, опирайтесь на клиническій опытъ... У насъ въ этомъ году богатая клиника... Какой у васъ срокъ для сочиненія?

Лин. Шесть мѣсяцевъ... *(Карчевъ въ это время стоитъ лицомъ къ книжному шкафу и съ восхищеніемъ разматриваетъ библиотеку.)*

Бѣл. Это не много... Впрочем... Да, это не много... Что вы такъ внимательно смотрите?

Кар. Я не могу наглядѣться на вашу библиотечку, профессоръ! Вотъ это богатство! Никогда ничему не завидоваль, а тутъ завидую.

Бѣл. Да? Это хорошо. Это, можетъ быть, единственный случай, когда зависть является добродѣтелью. (*Задумывается.*)

Лин. (*встаетъ*). Мы, кажется, вамъ помѣшали, профессоръ...

Бѣл. (*встрепенувшись*). О, нѣтъ, нѣтъ, друзья мои! Вы никогда не можете мнѣ помѣшать... Васъ удивляетъ моя неровность... Да, я вѣскольکو взволнованъ, разстроены немного. Меня беспокоитъ нашъ большой. Послѣ такого блестящаго исхода операции состояніе его начинается какъ бы колебаться... Эта прогулка ему очень повредила... Но давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ. Я еще не видѣлъ послѣднихъ книжекъ журналовъ. А ужъ вы, навѣрно, прочитали ихъ отъ доски до доски. Присядьте-ка да поразскажите, что есть интереснаго? (*Линскій и Карчевъ садятся. Входитъ лакей.*) А что? Федоръ Михайловичъ? Приси, приси!

Лакей. Нѣтъ-съ, это утренніе господа! Вотъ карточки!.. (*Подаетъ двѣ карточки.*)

Бѣл. Ахъ, эти? (*Смотритъ карточки недоумывающе, но съ тревогой*). Баронъ Штифель... Чебышевъ... Ни того, ни другого не знаю... (*Лакею.*) Ты сказалъ, что я больныхъ не принимаю?

Лакей. Какже, докладывалъ-съ. Они сказываютъ: мы не больные... А дѣло у насъ важное...

Бѣл. Приси! (*Лакей уходитъ.*) Я надѣюсь, что это не отниметъ у насъ много времени... (*Входятъ Штифель и Чебышевъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣ же, Штифель и Чебышевъ, которые, войдя, кланяются.

Бѣл. Прошу извинить меня... Утромъ вы меня не застали. Чѣмъ могу служить?

Чѣб. Дѣло, о которомъ мы поставлены въ необходимость говорить съ вами, господинъ профессоръ, касается лично васъ...

Бѣл. Такъ, прошу васъ, садитесь... (*Указывая на Линскаго и Карчева, которые стоятъ.*) Это—мои друзья, они не могутъ помѣшать намъ...

Чѣб. Дѣло такого характера, господинъ профессоръ...

Бѣл. Но если, какъ вы говорите, оно касается только меня...

Шт. И господина Ратищева, по порученію котораго мы имѣемъ честь...

Бѣл. Да... Вотъ что? Въ такомъ случаѣ... (*Линскому и Карчеву.*) Пять минутъ въ приемной... Мнѣ было бы очень непріятно, если бы вы ушли...

Кар. Мы подождемъ! (*Линскій и Карчевъ уходятъ нальво.*)

Бѣл. Я вполне признаю, что господинъ Ратищевъ долженъ считать себя оскорбленнымъ... Я самъ очень скорблю по поводу этого эпизода... Но, извините меня, я не могу понять, зачѣмъ господину Ратищеву понадобилось вмѣшиваться сюда постороннихъ лицъ?

Чѣб. Есть общепринятая правила, господинъ профессоръ, отъ которыхъ нельзя отступать...

Бѣл. Правила?

Шт. Очевидно, мы не понимаемъ другъ друга. Позвольте объяснить дѣло просто. Владиміръ Николаевичъ Ратищевъ, какъ вы справедливо изволили замѣтить, считаетъ себя тяжело оскорбленнымъ вами и поручилъ намъ передать вамъ вызовъ...

Бѣл. Вызовъ? Онъ хочетъ, чтобъ я дрался на дуэли? (*Штифель и Чебышевъ киваютъ утвердительно.*) Это совершенно невозможно. На это я не могу согласиться ни подъ какимъ видомъ.

Чѣб. Другими словами, вы уполномочиваете насъ передать, что вы рѣшительно отказываетесь принять вызовъ?...

Бѣл. Да, вы можете передать это... Я не могу драться на дуэли...

Шт. Къ сожалѣнію, мнѣ приходится напомнить господину профессору, что въ такихъ случаяхъ оскорбленный считаетъ себя свободнымъ отъ общепринятыхъ формъ возмездія и ищетъ случая... въ свою очередь нанести оскорбленіе какимъ бы то ни было, хотя бы и самымъ грубымъ способомъ...

Бѣл. Едва ли господинъ Ратищевъ уполномочилъ васъ дѣлать мнѣ подобное напоминаніе... Прошу васъ передать ему, что я глубоко сожалею о случившемся, вполне сознаю свою неправоту и готовъ привести ему самыя искреннія извиненія...

Шт. Въ такомъ случаѣ наша задача упрощается, если профессору будетъ угодно принести это извиненіе въ известной формѣ.

Бѣл. Какая же форма удовлетворила бы господина Ратищева?

Шт. Вотъ единственная редакція извиненія, которое вы въ такомъ случаѣ должны были бы принести ему въ видѣ письма... Если профессору угодно, я могу продиктовать...

Бѣл. Я прежде долженъ выслушать...

Шт. *(встѣмаетъ бумагу и читаетъ).* „Я глубоко сожалѣю о своемъ поступкѣ, считая его грубымъ... неприличнымъ...”

Бѣл. Пусть такъ...

Шт. „И недостойнымъ благовоспитаннаго человѣка...”

Бѣл. *(раздражаясь).* Допустимъ, что и это необходимо...

Шт. Это не все, господинъ профессоръ: Далѣе: „я признаю, что во все время нашего знакомства вы“, т.-е. господинъ Ратищевъ, „вели себя безупречно по отношенію ко мнѣ и къ другимъ близкимъ мнѣ лицамъ...”

Бѣл. *(больше раздражаясь).* Рѣчь должна идти только обо мнѣ... Близкія или дальнія лица здѣсь не при чемъ...

Шт. Я только исполняю порученіе, господинъ профессоръ, и читаю то, что здѣсь написано...

Бѣл. Продолжайте, прошу васъ!..

Шт. ... „и утверждаю, что подозрѣніе, послужившее поводомъ...”

Бѣл. Какое подозрѣніе?

Шт. *(продолжая съ подчеркиваніемъ).* „...подозрѣніе, послужившее поводомъ къ оскорбленію, было незаслужено и несправедливо, такъ какъ отношенія ваши (т.-е. господина Ратищева) къ лицу, которое...“ Господинъ профессоръ, конечно, понимаетъ, о комъ идетъ рѣчь „...Къ лицу, которое...”

Бѣл. *(вставая въ шты).* Довольно! Прошу васъ прекратить это. Здѣсь не можетъ быть рѣчи ни о какомъ лицѣ... И я требую, чтобы вы никогда нигдѣ этого не повторяли. Такъ вотъ чего желаетъ отъ меня господинъ Ратищевъ?

Шт. Да, господинъ профессоръ, или...

Бѣл. *(перебивая).* Знаю... Можете передать, что... я принимаю вызовъ...

Шт. Такимъ образомъ, вы категорически отказываетесь извиниться передъ господиномъ Ратищевымъ въ предлагаемой имъ формѣ? *(Бьлозеровъ дѣлаетъ отрицательное движеніе.)* Въ такомъ случаѣ, господинъ профессоръ, мы считаемъ свой долгъ исполненнымъ. *(Кланяется.)* У васъ имѣется мой адресъ, по которому вы благоволите прислать вашихъ уполномоченныхъ сегодня въ три часа... Господинъ Ратищевъ торопится съ отъѣздомъ за границу. Имѣемъ честь кланяться, господинъ профессоръ! *(Уходитъ.)*

Бѣл. *(одинъ).* Итакъ, я принялъ вызовъ... Я, быть можетъ, убью...или меня убьютъ... Это бессмысленно!.. Но къ чему разсуждать, если за меня думаетъ и рѣшаетъ кто-то другой, и я живу чужой волей?..

Ахъ, стоять только разъ опуститься до пошлости, и она уже начнетъ затягивать тебя въ свое болото... Шагъ сдѣланъ... Въ три часа... Теперь больше двухъ... *(Отворяетъ дверь въ юстиную.)* Войдите, господа! *(Входятъ Линскій и Карчевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Бьлозеровъ, Линскій, Карчевъ.

Бѣл. Друзья мои, ради Бога, простите... Я очень озабоченъ... Въ другой разъ мы поговоримъ спокойно... Въ другой разъ. *(Пожимаетъ имъ обоимъ руки.)*

Лин. Вы слишкомъ взволнованы, профессоръ...

Бѣл. Слишкомъ? Да, вы правы... Много заботъ у меня...

Кар. Мы не будемъ мѣшать вамъ... *(Хотятъ уйти.)*

Бѣл. *(подумавъ).* Постойте. Вы можете оказать мнѣ величайшую услугу...

Кар. Мы готовы, профессоръ!..

Бѣл. Только дайте мнѣ прежде слово: вы не будете спрашивать: почему и зачѣмъ? Такъ надо... Слышите ли? такъ надо, и это все, что я могу сказать вамъ. Дайте же мнѣ слово...

Лин. }

Кар. }

Даемъ, безъ сомнѣнія!..

Бѣл. И не удивляйтесь... И ничему не удивляйтесь, друзья мои! Когда человѣкъ, который всю жизнь боролся съ какимъ-нибудь нелѣпымъ, оскорбительнымъ для ума человѣческаго, предрасудкомъ, вдругъ самъ становится не только жертвой, а даже героемъ этого предрасудка, не удивляйтесь и этому. И если какое-нибудь слово будетъ дико звучать для вашего уха, стоитъ только прислушаться къ нему, мысленно повторить его сто разъ и вы сроднитесь съ нимъ. Вотъ вамъ примѣръ: представьте, что я вздумалъ бы драться на дуэли. Это противорѣчить моей натурѣ, моимъ убѣжденіямъ, всей моей жизни. Это дико, это невысказано, не такъ ли? Но подумайте и вы найдете, что могли бы отыскаться такія обстоятельства, когда это было бы неизбѣжно... Не правда ли?

Лин. }

Кар. }

(подумавъ). Да, пожалуй...

Бѣл. Вы правы... И... я дерусь... Нѣтъ, нѣтъ, вы дали слово не спрашивать, почему и зачѣмъ... Такъ надо, такъ надо, друзья мои... Вы мнѣ вѣрили, когда я вамъ говорилъ съ каедръ... Вѣрьте же и теперь: такъ надо и иначе нельзя!

Лин. }

Кар. }

Но это ужасно!

Бѣл. И все-таки: такъ надо и иначе нельзя! Окажите же мнѣ услугу. Примите

на себя эти печальные обязанности. Я доверяю вамъ вполне. Я охотнѣе доверюсь вашимъ юнымъ и пылкимъ понятіямъ о чести, чѣмъ правиламъ вѣками выработаннаго кодекса, которымъ люди почему-то руководствуются, не ощущая въ груди ни малѣйшаго призыва къ чести... Вотъ адресъ. *(Даетъ карточку.)* Оружіе?.. Въ дѣтствѣ я стрѣлялъ изъ игрушечнаго пистолета, а шпаги никогда не держалъ въ рукахъ. Но все равно: это одинаково глупо... Скажу еще: въ этой исторіи я былъ неправъ. Идите же... И никому ни слова!.. *(Пожимаетъ имъ руки.)*

Кар. Какъ ни ужасно это, профессоръ, но мы... мы должны исполнить!

Бѣл. Да, вотъ что! По дорогѣ зайдите къ Федору Михайловичу и попросите его ко мнѣ сейчасъ, сію минуту... Но, ради Бога, не выдавайте меня... Ради Бога!.. *(Линскій и Карчеевъ уходятъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Бѣлозеровъ одинъ, потомъ Ольга.

Бѣл. Я чувствую, будто у меня на плечахъ не моя голова, не та, что такъ ясно смотрѣла на вещи и такъ легко разбиралась въ нихъ. Мой мозгъ словно отравленъ. Я вижу, что передо мною раздвигается пропасть и машинально двигаюсь къ ней... Но что же это за сила, толкающая меня по дорогѣ, которая противна всему моему существу, всей моей жизни?.. Не остановиться ли? Не повернуть ли обратно? Письмо!.. Но развѣ я могу написать эти ужасныя слова, которыя для того и придуманы, чтобы еще разъ пробудить во мнѣ звѣря? Нѣтъ, слово сказано, надо идти дальше... Да, вотъ оно: „блаженъ, кто безъ высокой цѣли не возстаетъ, но бьется за песчинку, когда задѣта честь“... Вотъ—и я бьюсь за песчинку... Съ чего начать? *(Идетъ къ столу и вынимаетъ бумаги изъ ящика.)* Надо все привести въ порядокъ... Ничего не забыть... Мой докладъ... *(Пишетъ.)* Синицыну въ наслѣдство... Здѣсь все выяснено... Онъ поведетъ дальше... Добрый товарищъ! Онъ былъ мнѣ вѣрнымъ другомъ!.. *(Откладываетъ.)* Два слова декану. Я хотѣлъ бы, чтобы моя кассета перешла къ Синицыну. Пусть это будетъ моимъ завѣщаніемъ. *(Пишетъ и кладетъ въ конвертъ.)* Матушкѣ... Бѣдная старуха!.. Ты отдала мнѣ свою жизнь... Я для тебя былъ все на свѣтѣ... Святая, непреклонная... Ты, для которой жизнь была рядомъ обидъ и горькихъ утратъ... Ты вѣрила только въ меня... Только моя шутка разглаживала морщины на твоемъ челѣ. Только

я одинъ привязывалъ тебя къ жизни... Сможешь ли ты перенести этотъ страшный ударъ и простить мнѣ? Бѣдная моя, я разбиваю твою послѣднюю надежду!.. Ужасъ!.. Ужасъ!.. Это свыше моихъ силъ! Вмѣстѣ съ собой я убиваю другихъ... Я разбиваю столько дорогихъ жизней!.. Ради чего? Ради дикаго предразсудка, который люди выдумали себѣ, чтобы замѣнить имъ совѣсть! Я, всю жизнь положившій на борьбу съ предразсудками, преклоняюсь и складываю оружіе передъ самымъ нелѣпымъ изъ нихъ!.. *(Тихо.)* Да... Это такъ... Это такъ и будетъ... Это неизбежно!.. Такъ надо, иначе нельзя... вотъ слова, противъ которыхъ борьба бесполезна... Ахъ, скорѣй, скорѣй, надо все успѣть... Ольга!.. *(Пишетъ.)* Всѣ эти событія послѣднихъ дней лишили ее веселости. Она смутно чувствуетъ драму!.. Горе и дѣтей дѣлаетъ мудрыми!.. *(Роняетъ перо и закрываетъ лицо руками.)* Ахъ, Митя, Митя!.. Мой дорогой, ненаглядный мальчишк!.. Сколько радужныхъ надеждъ я лелѣялъ на тебѣ! Всѣхъ разомъ я отрываю отъ сердца... *(Пауза. Входитъ Ольга. Онъ торопливо прячетъ бумаги въ ящикъ и запираетъ ящикъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Бѣлозеровъ и Ольга.

Бѣл. *(Быстро подымаетъ голову и встаетъ. Говоритъ развязно и шутливо.)* А, Ольга, ты пришла пристыдить меня!..

Ольга. За что, Петя?

Бѣл. Ну, какъ же? Я сегодня не нашелъ случая повидаться съ тобой и пожелать тебѣ добраго дня... *(Подходитъ къ ней и цѣлуетъ руку.)* Здравствуй, моя милая! Надѣюсь, ты здорова? Не очень... Что-то блѣдна... Это мнѣ не нравится... Ты должна цвѣсти, какъ роза... Извини за нѣсколько избитое сравненіе... Но, право же, я не знаю ничего прекраснѣе розы. Это цвѣтокъ радости и здоровья, не правда ли?

Ольга. Въ самомъ дѣлѣ, Петя, ты такъ хорошо настроенъ? Я была бы очень рада, если бы...

Бѣл. Если бы?

Ольга. Если бы выраженіе твоихъ глазъ было такъ же весело, какъ твои слова...

Бѣл. Выраженіе моихъ глазъ?.. Вотъ странно, а между тѣмъ я отлично настроенъ... Ну, что вашъ благотворительный базаръ? Кажется, онъ сегодня открывается... Ты вѣдь должна тамъ быть...

Ольга. Ты это помнишь? Да, къ сожалѣнію, должна... Въ три часа.

Бѣл. Почему же, къ сожалѣнію? Къ сожалѣнію для бѣдныхъ? Да?

Бѣл. Почему для бѣдныхъ?

Ольга. Гм... Ну, признайся, сколько стоило тебѣ платья для этого базара?

Ольга. Двѣсти... Да, это правда, что проще было бы отдать эти деньги бѣднымъ...

Бѣл. Но будемъ правдивы: еслибы ты не заказала платья, то этихъ денегъ ты все-таки не отдала бы бѣднымъ... Не правда ли? Итакъ, поѣзжай на этотъ базаръ и будь мила и прекрасна, какъ всегда...

Ольга. Я не знаю, почему, но мнѣ кажется, что ты какой-то странный... Петя, ты ничего не скрываешь отъ меня?

Бѣл. Ровно ничего, мой другъ... Ахъ, впрочемъ, есть секретъ, котораго ты не знаешь... Я, можетъ-быть, уѣду дня на два...

Ольга. Ты уѣдешь? Куда? Зачѣмъ?

Бѣл. Къ одному товарищу... Въ деревню... Есть дѣло и кромѣ того это меня разсѣетъ немного... Видишь, какъ я развинулся за послѣднее время, но я отдохну и успокоюсь. Прощай же, мой другъ... (*Цѣлуетъ ея руку.*)

Ольга. Ты прощаешься?

Бѣл. Да... На два дня вѣдь... А ты старайся не скучать тутъ... (*Беретъ ея руки и смотритъ въ глаза.*) Въ послѣдніе дни я много доставилъ тебѣ огорченія. Но ты простила мнѣ?.. Нѣтъ, не совсемъ... Ты даже не улыбаешься мнѣ...

Ольга. Что ты, Петя? Ты сегодня какой то... непонятный!.. Ты пугаешь меня!

Бѣл. Полно, полно! Я такой же, какъ всегда... Поѣзжай же, поѣзжай! (*Цѣлуетъ ея въ лобъ.*) Ты этимъ меня успокоишь... А потомъ, когда вернусь, я возьму отпускъ и мы поѣдемъ въ Тавлиновку. Мы проведемъ чудную недѣлю... Я буду жить только съ природой и моею семьей. (*Постынно входитъ Синицынъ.*) А, какъ я радъ, что вы пришли!

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Бѣлозеровъ, Синицынъ, потомъ Варя.

Син. (*здороваясь съ Ольгой*). Вы за мной присылали, Петръ Григорьевичъ?... Мнѣ сказали, что спѣшно дѣло...

Бѣл. (*Ольга, нѣжно провожая ее*). Иди же, иди, мой дружокъ... чтобы не опоздать тебѣ!.. (*Ольга съ недоумѣніемъ смотритъ на него и уходитъ.*)

Бѣл. (*торопливо*). Что съ больнымъ?

Син. Вы слишкомъ много о немъ беспокоитесь, Петръ Григорьевичъ. Вы себя не жалѣете... Значительной перемены нѣтъ. Осложненіе же, по моему, случайное, и я увѣренъ, что мы восторже-

ствуемъ. Господинъ Загницкій слишкомъ рано затрубилъ побѣду.

Бѣл. О, навѣрное, слишкомъ рано. Температура?

Син. Тридцать девять и четыре...

Бѣл. Было тридцать восемь и семь... Но это ничего... Помните, мы съ вами говорили объ этомъ?.. Вѣдь мы предвидѣли, допускали... Но методъ вѣрный, не правда ли? Вы видите это, вы чувствуете? А это все, что надо... (*Задумывается.*) Погодите... Что я хотѣлъ сказать вамъ? Что-то важное... Голова у меня плохо работаетъ...

Син. Дайте отдохнуть ей, Петръ Григорьевичъ... Дайте нервамъ своимъ отдохнуть... Такъ нельзя...

Бѣл. Да, да, я отдохну... Но погодите... А, вотъ, я вспомнилъ! Температуру все-таки надо дисциплинировать. Понижайте во что бы то ни стало. И вотъ что, мой другъ: былъ разговоръ съ Тройновымъ. Онъ сомнѣвается... Но, ради Бога, не дѣлайте уступокъ! (*Оживляется.*) Идите неуклонно по намѣченному пути. Истина очевидна, оттого-то они всё такъ и волнуются. Другъ мой, когда истина рождается на свѣтъ, враги это чувствуютъ и подстерегаютъ ее. Они прикидываются друзьями, встрѣчаютъ ее, служатъ ей повивальной бабкой, пеленаютъ, предлагаютъ себя въ воспріемники, и все это для того, чтобы взять ее въ свои руки и изуродовать... Берегитесь ихъ! Да... Я еще что-то хотѣлъ сказать вамъ... Дайте припомнить... (*Думаетъ.*) Нѣтъ, не могу припомнить... Зачѣмъ вы на меня такъ смотрите? Развѣ я говорю что-нибудь странное?

Син. Я не смѣю сказать вамъ это, дорогой Петръ Григорьевичъ... Но у меня сердце сжимается... Вы не такой, какъ всегда... Вы беспокойны... взволнованы... Вы пугаете меня... Простите, если я сказалъ не то...

Бѣл. (*горячо пожимаетъ его руки*). Нѣтъ, добрый мой товарищъ, вы сказали то, что есть. Вы сказали отъ сердца. Да, я разстроены, это правда... Но это пройдетъ... (*Вспомнивъ.*) Да, вотъ еще: строго слѣдите за тѣмъ, чтобы въ комнатѣ больного температура была равномѣрна... Скажите объ этомъ куратору... (*Входитъ Варя. Онъ торопливо идетъ ей навстрѣчу и беретъ ея руки.*) А, Варя, вы кстати пришли... Я уѣду дня на два... Одинъ товарищъ мой зоветъ... У него тамъ... есть трудный больной... Да хочу и провѣтриться, отдохнуть... Такъ ужъ въ (*шутя*) покрѣпче держите бразды правленія въ домѣ... Вы вѣдь всегда фило-

софь.. Чтобъ Ольга не тревожилась... Что-бы за Митей смотрѣли... Гдѣ мой мальчикъ? Онъ въ дѣтской?..

Варя (съ недоумѣніемъ). Да!..

Бѣл. Я хочу взглянуть на него... (Синицыну.) Не уходите же! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Синицынъ и Варя.

Варя (быстро подходит къ Синицыну). Федоръ Михайловичъ, что это значить? Онъ на себя не похожъ... И что это за внезапная поѣздка? Онъ никогда къ больнымъ не ѣздитъ... Тутъ что-нибудь скрывается...

Син. Ничего не понимаю... Самъ теряюсь. Все до послѣдней степени странно. Вдругъ прислалъ за мной... Только что былъ у больного, вдругъ опять спрашиваетъ, торопится, придумываетъ средства... И все это такъ нервно... Я боюсь, Варвара Павловна...

Варя. Чего боитесь?

Син. Боюсь за его мозгъ... Нельзя безнаказанно наваливать на человѣка столько волнений... Извините, я не смѣю вникать... Но эта вчерашняя сцена... Она потрясла его.. Онъ вѣдь ничего не умѣетъ воспринимать и чувствовать вполнину...

Варя. Да, это можетъ быть...

Син. (съ юркими упрекомъ). Вотъ ужъ... извините... я этого не въ состояннн прости... Можно бы побережь отъ всего этого такого человѣка... Его голова нужна не намъ только, а всѣмъ... Эхъ, право!.. Какъ мы не умѣемъ беречь сокровища...

Варя. Вы правы, Федоръ Михайловичъ... Но объ этомъ говорить поздно... (Послѣ молчанія.) Вотъ замучили же человѣка... Кому это нужно? Зачѣмъ? (Входитъ Блосеровъ, взволнованный, расстроанный, подходитъ къ креслу и безсильно опускается въ него.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Блосеровъ, потомъ Линскій и Карчевъ.

Варя (подходитъ къ нему). Петръ Григорьевичъ, что съ вами?

Бѣл. (какъ бы про себя). Растрогалъ меня Митя... Милый мой мальчикъ! Когда прощаемся, мы узнаемъ, какъ насъ любить... У дѣтей тонкая чувствительность... Зачѣмъ онъ заплакалъ, бѣдный мальчикъ! Обнялъ меня, посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и залился слезами... Совсѣмъ расстроилъ меня!

Варя. Вы измучены, Петръ Григорьевичъ... Вамъ надо остаться дома, отдох-

нуть... Вамъ нигуда нельзя ѣхать... Право, оставайтесь съ нами... Лучше будетъ...

Бѣл. (послѣ короткаго молчанія). Пустое! Минутная слабость... (Встаетъ.) Я отлично могу владѣть собой... Я слишкомъ много времени провожу съ женщинами, и оттого сталъ чувствителенъ... Я обѣщалъ поѣхать... Какъ же я могу не поѣхать?

Варя. Знаете что, Петръ Григорьевичъ? Я этому... почти не вѣрю...

Бѣл. (стараясь шутить). О, вотъ какъ, Варя? Ужъ вы мнѣ и не вѣрите? За что же такъ?

Варя (отворачиваясь, дрожащимъ голосомъ). Простите, ради Бога!.. Я просто не привыкла видѣть васъ такимъ...

Син. Я поѣду съ вами, Петръ Григорьевичъ! Пожалуйста, не откажите мнѣ въ этомъ.

Бѣл. (испувавшись). О, нѣтъ, нѣтъ, ни за что! На вашихъ рукахъ клиника... Помните, какой у насъ отвѣтственный больной... Его нельзя на полчаса покинуть...

Син. (съ прорвавшимся чувствомъ). Да пропади она совсѣмъ, эта клиника, и всѣ на свѣтѣ больные!..

Бѣл. (беретъ за руки Синицына и Варю). Когда у человѣка есть такіе вѣрные друзья, какъ вы, когда его окружаетъ столько любви и преданности, можно ли падать духомъ и не вѣрить въ счастье и жизнь? О, полноте, друзья мои, не бойтесь за меня, со мной ничего не случится дурного... Слышите? (Убѣжденно.) Сомноу ничего не случится... Я освѣжусь, разсѣюсь и вернусь къ вамъ бодрымъ и твердымъ, какимъ былъ всегда... И какъ еще мы будемъ работать съ вами, Федоръ Михайловичъ! Какую могучую рать новыхъ наблюдений и выводовъ двинемъ на нашихъ враговъ! (Входятъ Линскій и Карчевъ.) А, вотъ и вы... Я вамъ нуженъ?... Не правда ли?..

Кар. Да, профессоръ...

Бѣл. Я готовъ. Идемте!.. Прощайте же! (Торопливо, порывисто обнимаетъ Синицына и горячо цѣлуетъ руку Вари. Карчеву и Линскому.) Идемте, друзья мои! (Блосеровъ, Линскій, Карчевъ уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Синицынъ и Варя (растерянные, изорятъ съ паузами).

Варя (подумавъ). Что значить все это?

Син. Не знаю... не знаю...

Варя. Куда они пошли? Почему онъ такъ странно прошался съ нами?

Син. Ахъ, я совсѣмъ глупъ... Все спуталось въ моей головѣ... Ничего не понимаю...

Варя. Что значать слова: „У дѣтей тонкая чувствительность“?.. Сегодня у него два раза были два господина... какой-то баронъ и еще другой... Когда они ушли, онъ послалъ за вами...

Син. Два господина?.. Баронъ...

Варя. Можетъ быть отъ Ратищева?... Послѣ этой ужасной исторіи...

Син. (съ ужасомъ). Ахъ, я идиотъ... Какъ же я не понималъ этого раньше?.. Ратищевъ вызвалъ его... Это—дуэль!..

Варя. Что вы! это невозможно!.. Онъ не пойдетъ на дуэль...

Син. Бываютъ обстоятельства, когда ничего больше не остается...

Варя. Да, вы правы... Теперь все понятно. И его тонъ, и все... Но этого нельзя допустить... Надо спасти его... Ратищевъ его убьетъ... Онъ славится, какъ стрѣлокъ... А Петръ Григорьевичъ вовсе стрѣлять не умѣетъ... Да онъ и не станетъ стрѣлять... Развѣ онъ способенъ выстрѣлить хотя бы въ врага?.. Вѣдь это... это просто убійство!.. Нельзя допускать этого...

Син. Но какъ мы можемъ воспрепятствовать? Я, не задумываясь, пожертвовалъ бы своей жизнью, чтобы спасти его... Его жизнь стоитъ тысячу такихъ головъ, какъ моя... Эта глупая башка, которая не можетъ даже придумать ничего...

Варя (подумавъ). Постойте... Дуэли запрещены... Дуэль — преступленіе... Мы должны донести властямъ, мы должны потребовать, чтобы ее остановили... Да, да, мы должны это сдѣлать...

Син. Это средство только—женское и никуда не годится...

Варя. Почему? Почему?

Син. Дуэли помѣшать нельзя, когда она рѣшена не мальчишками, но такими людьми, какъ Петръ Григорьевичъ, который безъ глубокихъ основаній не сдѣлалъ бы подобнаго шага... Вы можете помѣшать, но она все-таки въ концѣ концовъ состоится. Если же заявить властямъ, то этимъ только глубоко оскорбимъ его, и больше ничего...

Варя. Вы правы... Мы оскорбимъ его... Но, что же дѣлать? (Подбѣгаетъ къ окну.) Поѣзжайте за нимъ... догоните.. убѣждайте... умоляйте его... Пойдемъ вмѣстѣ, будемъ его умолять... (Идетъ къ главной двери, входитъ слыва Ольга, одѣтая къ благотворительному базару. Варя останавливается.)

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Синицынъ, Варя, Ольга.

Ольга. Развѣ Петя уже уѣхалъ?..

Син. (нетвердо). Да... Онъ... онъ уже уѣхалъ...

Ольга (смотритъ на нихъ внимательно). Почему же такъ скоро? (Синицыну.) А вы... Вы остались... Вы какіе-то странные оба... Федоръ Михайловичъ блѣдень... Почему ты такъ встревожена, Варя?.. Это на тебя не похоже... Ты не волнуешься изъ пустяковъ. Что нибудь случилось? Да... Вы скрываете... Я это вижу... Что же случилось? Говорите!

Варя. Ольга, милая, право же...

Ольга. Нѣтъ, я вижу.. Я вошла сюда, и у меня сердце сжалось... Петя былъ какой-то странный... Что же вы молчите? Гдѣ онъ?.. Ради Бога... Умоляю васъ, скажите... Онъ заболѣлъ? Съ нимъ какое-нибудь несчастье?.. Варя, вѣдь я вижу, что ты знаешь... За что же ты обижаетъ меня? (Истеричнымъ голосомъ.) За что вы меня такъ презираете?

Син. Успокойтесь, Ольга Павловна... Что вы говорите?

Ольга (настойчиво). Я должна знать... Слышите ли? Я имѣю право знать... Я не хочу тайны... Вы смотрите на меня, какъ на ребенка, вы боитесь, чтобы я не расплакалась... Гдѣ онъ? Куда уѣхалъ мой мужъ? Почему онъ рылся въ бумагахъ такъ поспѣшно? Зачѣмъ онъ торопливо пряталъ что-то въ ящикъ? Вы все знаете, я вижу по вашимъ глазамъ... Говорите же, говорите!.. (Подбѣгаетъ къ столу, быстро оттираетъ ящикъ и вынимаетъ бумаги.) Вотъ его работа... А это... (Схватываетъ письмо.) „Декану медицинскаго факультета“... (Бросаетъ его и сватываетъ другое.) „Ольгъ“!.. Это мнѣ... Ахъ... Боже мой... Сердце разрывается... (Рветъ конвертъ, руки дрожатъ, читаетъ записку.) „Милый другъ... я твердо знаю... что ты не виновата ни въ чемъ... Всею виною... безумныя обстоятельства... Я не могъ отвести чашу... Если что случится... Воспитай сына“... Ахъ... Что же это? Что же это значитъ? Вы молчите? Дуэль? Да... Да... Дуэль!.. Вы смѣетесь надо мной? Онъ идетъ на смерть, а она разодѣлась на благотворительный базаръ.. Да, вы правы... Я дурная женщина... Я отвратительная жена... Я буду его убійцей, если... О, да нѣтъ же, нѣтъ... Этого не будетъ. Я... Я остановлю ихъ... Я крикну имъ: не смѣйте! Гдѣ же онъ? Вы молчите? О, я найду его... Я найду!.. (Бьжитъ къ двери.)

Варя (*удерживаетъ ее.*) Оля, приди въ себя, дорога!..

Ольга. Пусти! (*Вырывается.*) Пусти меня! (*Убьиваетъ.*)

Варя (*Синицыну*). Ради Бога, за нею! Она внѣ себя...

Син. Я буду съ нею... (*Уходитъ.*)

Варя (*одна*). Господи!.. Неужели же, неужели онъ погибнетъ?..

Занавѣсь.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кабинетъ. Ночь.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Ольга, потомъ горничная.

Ольга (*одна. Сидитъ въ креслѣ, охвативши голову объими руками, и смотритъ въ одну точку. Молчаніе. Входитъ горничная.*)

Гор. Барыня, уже второй часъ. Митенька безпокойно спятъ безъ Варвары Павловны. Прикажете вамъ въ дѣтской послать? (*Ольга не слышитъ. Молчаніе.*) Барыня! Гдѣ постель вамъ стелить? (*Ольга молчитъ. Горничная машетъ рукой.*) Господи, ты, Боже мой! Ни отъ кого ничего не добьешься... Всѣ словно помѣшались!.. (*Уходитъ. Въ передней раздается звонокъ. Ольга вздрагиваетъ и вскакиваетъ съ мѣста. Входитъ Варя въ пальто и шляпкѣ.*)

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Ольга и Варя.

Ольга. Что?

Варя. Ничего... Была у губернатора... Полиція исходила всѣ окрестности... За десять верстъ ѣздили... Ничего нѣтъ...

Ольга (*ломаетъ руки*). Боже! (*Подходитъ къ камину, опускаетъ на него голову и опять застываетъ.*)

Варя. Ольга, милая... Быть можетъ, мы ошиблись... Не уѣхалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ къ товарищу?..

Ольга (*качая головой*). Нѣтъ!..

Варя. Какъ его любить, Ольга!.. Студенты взволнованы... Въ городѣ всѣ осведомляются, спрашиваютъ... (*Подходитъ къ ней.*) Ольга, я начинаю думать, не пошутить ли онъ...

Ольга. Ты хочешь утѣшить меня... Зачѣмъ вы всѣ такъ добры ко мнѣ?

Варя. Нѣтъ, право же, я такъ думаю...

Ольга. Неправда, Варя... Ты такъ не можешь думать... Онъ не умѣетъ такъ шутить... Ратищевъ тоже уѣхалъ. Ты же сама справлялась... Баронъ Штифель, Чебышевъ... Карчеева и Линскаго до сихъ поръ нѣтъ... Ты же знаешь это... Нѣтъ,

неправда... Ахъ, какая мука! (*Опять склоняется на каминъ.*)

Варя. Ты бы пошла въ спальню... Отдохнула бы... (*Въ передней звонокъ.*)

Ольга (*порывисто*). Кто-то пришелъ... Не онъ ли? О, Боже, еслибъ это былъ онъ... (*Бросается къ двери. Входитъ Синицын. Она бросается къ нему.*) Гдѣ онъ? Говорите же, говорите!

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Ольга, Варя и Синицынъ.

Син. Ради Бога не волнуйтесь... Ничего опаснаго... Ради Бога!..

Ольга. Дуэль?

Син. Да, была дуэль... Мы не ошиблись...

Ольга. Была... И что же?

Син. Успокойтесь же... Петръ Григорьевичъ...

Ольга (*вскрикиваетъ*). Раненъ?

Син. Да... нѣтъ... то-есть не опасно... Довольно легко... Успокойтесь же, прошу васъ...

Ольга. Что вы еще знаете? Гдѣ онъ? Вы скрываете что-то. Ахъ, зачѣмъ меня обманываютъ?..

Син. Увѣряю васъ, ничего больше... Я получилъ телеграмму отъ Карчеева...

Ольга. Гдѣ она? Покажите...

Син. Я... я забылъ ее дома...

Ольга. А-а... Неправда, неправда! Вы боитесь показать мнѣ ее...

Син. Увѣряю васъ... Они боялись драться близъ города, уѣхали за двадцать верстъ... Въ шесть часовъ вечера это случилось...

Ольга. Но гдѣ же онъ?

Син. Скоро будетъ здѣсь... Рана легкая, но была потеря крови... Онъ долженъ былъ лежать въ земской больницѣ. Теперь онъ ѣдетъ домой... Вотъ что. Варвара Павловна, — велите приготовить ему постель—помягче и пошире...

Ольга. Нѣтъ, нѣтъ, я сама... Я сама все сдѣлаю... (*Уходитъ направо.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Варя и Синицынъ, потомъ горничная.

Варя Вы не все сказали, Федоръ Михайловичъ!..

Син. *(не сдерживаясь, сжавъ кулаки)*. А-а! Проклятые люди! Не пощадили! Добились своего! Да, Варвара Павловна, не все... Вотъ телеграмма...

Варя *(схватывая телеграмму и читая)*. Приготовьте родныхъ... Рана тяжелая... Боюсь, доведемъ ли живого... Боже мой! за что же это ему?!

Син. *(едва сдерживая слезы)*. Но не волнуйтесь... побольше мужества... Еще не все потеряно... Карчевевъ можетъ ошибиться... и навѣрное ошибается. Что онъ понимаетъ? Зачѣмъ падать духомъ!.. Мы спасемъ его... Надо послать на всякій случай за Тройновымъ... И какъ-нибудь успокойте Ольгу Павловну...

Варя. Что же я ей скажу? Я просто не въ силахъ...

Син. Ну, будьте хоть вы мужественны! Возьмите себя въ руки. Вы такъ умѣете это дѣлать...

Варя. Хорошо... я пойду къ ней... *(Уходитъ направо.)*

Син. *(идетъ къ столу и пишетъ сперва рецептъ, потомъ письмо; затѣмъ открываетъ главную дверь)*. Кто тутъ есть? *(Входитъ лакей.)* Живо сходите въ аптеку и принесите все это... Затѣмъ сейчасъ же отнесите записку профессору Тройнову... Да приготовьте льду, самаго чистаго и порубите помельче! *(Лакей беретъ рецептъ, письмо и уходитъ.)* Да, мужества, мужества... А самъ готовъ разревѣться, какъ женщина... *(Входитъ горничная съ подушками и бѣльемъ.)* Вотъ здѣсь на диванѣ все приготовьте *(Помогаетъ ей.)* Вотъ такъ... вотъ... Ну, теперь ступайте съ Богомъ. Да смотрите, чтобъ наготовѣ былъ огонь въ кухнѣ, вода, кипятокъ...

Гор. Слушаю-съ! *(Уходитъ. Въ главную дверь постыпно входитъ Линскій, въ то же время справа входитъ Варя.)*

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Синицынъ, Линскій и Варя.

Син. *(бросаясь къ нему)*. Вы одинъ? Что это значитъ?

Син. Я ускакалъ впередъ предупредить васъ...! *(Къ Варѣ.)* Дайте мнѣ воды ради Бога!.. *(Варя даетъ ему воды.)* Какъ все это ужасно!

Варя. Да говорите же!

Лин. Мы не могли выбрать мѣста здѣсь, вблизи... Всюду ходятъ и вѣзятъ... Пришлось отправиться далеко... Въ шесть часовъ мы были на мѣстѣ... Ахъ, я не могу рассказывать подробностей!.. Они должны были стрѣлять одновременно... Мы устроили барьеръ... Оба они взяли пистолеты... Баронъ Штифель подалъ сигналъ, махнувъ шляпой... Профессоръ въ ту же минуту былъ у барьера... Ратищевъ сдѣлалъ къ нему четыре или пять шаговъ... Оба начали дѣлать... Вдругъ раздался выстрѣлъ... Профессоръ былъ раненъ и упалъ... Мы подбѣжали къ нему... Онъ потерялъ сознание... Потомъ пришелъ въ себя и уже болѣе не лишился чувствъ... Мы положили его въ коляску и довели до земской больницы... Онъ очень страдалъ, но не жаловался...

Син. Куда онъ раненъ?

Лин. *(показывая лѣвый бокъ)*. Сюда.

Варя *(Синицыну)*. Это опасно? Безнадежно?

Син. Очень опасно... Но надо видѣть. Все сдѣлаемъ, чтобъ спасти... Я послалъ за Тройновымъ... Повторите приказаніе... *(Варя выходитъ, потомъ возвращается.)* Кто дѣлалъ перевязку?

Лин. Земскій врачъ Петровъ.

Син. Опытный врачъ... Вы, Линскій, идите къ студентамъ и успокойте ихъ... Они волнуются...

Лин. Я пойду! *(Уходитъ.)*

Варя. Ольга на себя не похожа! Что съ нею будетъ? Ахъ, сколько несчастій разомъ... *(Входитъ Ольга, шатаясь подходитъ къ креслу, опускается въ него и сидитъ неподвижно. Синицынъ и Варя умолкаютъ. Нѣкоторое время молчаніе.)*

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Синицынъ, Варя и Ольга.

Син. *(тихо)*. Успокойте ее какъ-нибудь... Ея видъ можетъ привести его въ отчаянье и ухудшить положеніе...

Варя *(подходитъ къ Ольгѣ. Говоритъ осторожно, нѣжно)*. Ольга, здѣсь былъ сейчасъ Линскій... Ничего нѣтъ опаснаго... Успокойся, милая!

Ольга *(не перемѣняя положенія, какъ бы сама съ собой)*. Я во всемъ виновата... Я легко смотрѣла на жизнь... Мало цѣнила его... Я была неосторожна... Я играла, какъ ребенокъ... Я довела до этого... Я дурная... злая... бездушная...

Варя. Ну, полно, Ольга... Что ты? Ты слишкомъ мрачно смотришь на вещи...

Ольга *(мрачно)*. Ты такъ думаешь? А знаешь ли ты, что я была виновницей этой дуэли? Ты не знаешь!..

Варя. Ты теперь готова Богъ знаетъ въ чемъ обвинить себя...

Ольга. Я послала его... я заставила его драться...

Варя. Полно, полно, Ольга... кто этому повѣритъ?

Ольга. Да, да... Ты не знаешь!.. Передъ тѣмъ, какъ это случилось... Эта ужасная сцена съ Ратищевымъ... былъ разговоръ... Я рассказала ему о дуэли Ратищева съ кѣмъ то... Онъ говорилъ, что не признаетъ дуэли... а я.. я почти смѣялась надъ нимъ... я... я почти назвала его трусомъ. Я не могла предвидѣть это... Я шутила. Слышишь, Варя, — я шутила... Ахъ, я всю жизнь шутила!..

Варя. Ольга!..

Ольга *(не слушая)*. Это оттого, что мы не знаемъ жизни... Вѣдь мы не глупы, а дѣлаемъ непоправимыя глупости... Вѣдь мы не злы, а дѣлаемъ на каждомъ шагѣ зло... Мы только тогда начинаемъ понимать правду жизни, когда насъ поразитъ страшное горе. У тебя, Варя, было горе и ты не такая, какъ я!.. *(Съ сильнымъ волненіемъ)*. Варя... Слушай!.. Если онъ... Если съ нимъ случится что-нибудь дурное, я... я убью себя!..

Син. Ольга Павловна, прошу васъ, успокойтесь... Ради него, ради него...

Ольга *(со слезами)*. Ахъ, еслибы вы могли видѣть мою душу!.. *(За сценой шумъ и топотъ. Всѣ прислушиваются. Ольга съ крикомъ стремительно бросается въ переднюю и тамъ раздаются ея рыданія. Карчеевъ, швейцаръ и нѣсколько человекъ вводятъ Бѣлозерова.)*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Ольга, Варя, Синицынъ, Бѣлозеровъ, Карчеевъ и лакей.

Ольга *(припадая къ плечу Бѣлозерова)*. Милый, милый!.. Что я надѣлала?!..

Бѣл. *(стараясь быть шутливымъ)*. О, ничего, пустяки... Завтра пойду на лекцію.

Син. Сюда вотъ... *(Укладываетъ Бѣлозерова на диванъ.)* Удобно вамъ, Петръ Григорьевичъ?

Бѣл. *(удерживаясь отъ стона)*. Отлично, мой другъ, отлично. Если всѣмъ больнымъ въ нашей клиникѣ такъ удобно лежать, то я за нихъ спокоенъ...

Ольга *(беретъ его за руку)*. О, какъ все это ужасно!.. И я во всемъ виновата.

Бѣл. Право же, Ольга моя, ты ни въ чемъ не виновата... И ничего ужаснаго

нѣтъ... Вотъ Синицынъ посмотритъ и подтвердитъ... Онъ успокоитъ тебя... Да мы пусть уйдутъ, мы полюбимся... *(Синицынъ тихо уговариваетъ Ольгу и Варю уйти. Онъ уходитъ, Варя поддерживаетъ Ольгу.)*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Синицынъ, Бѣлозеровъ, Карчеевъ и лакей.

Бѣл. *(Синицыну)*. Плохо, братъ... Пуля засѣла крѣпко... Полюбуйся... *(Синицынъ осматриваетъ рану.)* Что? Хороша? Знаю, братъ, знаю... Не даромъ... учился...

Син. Дорогой... Лучшій изъ людей... Я надѣюсь... я... я увѣренъ... О, изверги! *(Рыдая припадаетъ къ его рукѣ, потомъ энергично вытираетъ слезы.)* Да что же это со мной?.. *(Лакею.)* Корпю, примочку!.. Лѣду сюда!.. Мы спасемъ васъ!.. *(Карчеевъ и лакей податъ все.)*

Бѣл. Говори мнѣ „ты“... Мнѣ такъ хочется... Только не лги... Хорошо бы я былъ профессоръ, еслибъ не могъ предсказать себѣ смерть!.. Женѣ лги... Это нужно!.. А мнѣ не надо!.. *(Синицынъ дѣлаетъ перевязку. Быстро входитъ Тройновъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Тройновъ.

Бѣл. А, коллега и учитель! Какъ вы добры!

Тр. *(подходитъ къ нему близко)*. Это что еще за фантазія, мой милый? Жизнь шутишь вздумали? Ай-ай-ай, какъ это непохвально! *(Беретъ его за руку.)* Развѣ вы не знаете, что ваша жизнь нужна не только вамъ, но и намъ и всѣмъ нужна?... *(Синицыну.)* Ну, въ чемъ дѣло? Расскажите!

Син. *(отводитъ его въ сторону и шепчетъ сдержаннымъ голосомъ)*. Раненъ въ полость живота... Я не могъ прощупать пулю, но призваковъ воспаления нѣтъ...

Тр. Это еще слава Богу... Абсолютный покой... Можетъ быть извлечемъ пулю... Помните, въ прошломъ году, какъ блестяще онъ сдѣлалъ такую операцію! Какая горькая насмѣшка судьбы!..

Син. О, мы тоже сдѣлаемъ, если не будетъ осложненія... Намъ самъ Богъ поможетъ... Профессоръ, вы вѣрите въ возможность спасенія?

Тр. Не знаю, почему, но вѣрю, вѣрю... *(Продолжаютъ разговоръ тихо. Входитъ Варя.)*

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Тѣ-же и Варя.

Бѣл. (*маня пальцемъ, тихо*). Варя, Варя!.. (*Варя подходитъ.*) Смотрите на этихъ авгуровъ... Они по привычкѣ дѣлаютъ видъ, что могутъ помочь... А между тѣмъ все кончено, Варя...

Варя. Но вы ошибаетесь!..

Бѣл. Спросите ихъ шопотомъ... Они вамъ шопотомъ скажутъ правду.

Варя (*подходитъ къ Синицыну и Тройнову*). Ради Бога... Есть надежда?

Тр. Мы вѣримъ, что спасемъ его!

Бѣл. (*закрываетъ глаза и впадаетъ въ забытѣе. Потомъ бредитъ.*) Закрой лицо... Въ твоихъ глазахъ огонь... Твоя душа горитъ... горитъ...

Син. Это бредъ... Это ничего... Онъ просто ослабѣлъ... (*Подходитъ къ Бьлозерову и беретъ его за руку.*) Другъ мой! Что ты говоришь?

Бѣл. (*очнувшись*). Это ты, Синицынъ?... Мнѣ представилась страшная нелѣпость—женщина съ огненными глазами... Дай мнѣ льду... Жажда... Ахъ, какая тоска!.. (*Ему даютъ льду. Онъ лопатаетъ и натираетъ себѣ виски. Кусочекъ льду вскальзываетъ. Онъ хочетъ взять, шаритъ рукой. Карчевъ подаетъ ему ледъ. Бьлозеровъ задерживаетъ руку Карчева.*)

Кар. (*взволнованно*). Профессоръ!

Бѣл. (*не выпуская руки Карчева, подзываетъ Синицына*). Синицынъ, мою библиотеку — ему... И Ольгѣ скажи это... Теперь ужъ не надо завидовать. (*Жметъ и выпускаетъ руку Карчева. Тотъ хватается руку и цѣлуетъ.*) Который часъ?..

Син. Три часа... (*За сценой шумъ и гулъ. Варя уходитъ туда и возвращается.*)

Бѣл. Что это за шумъ?

Варя. Масса народу пришла... Передняя и зала полны... Всѣ справляются о вашемъ здоровьѣ...

Бѣл. Спасибо имъ... Однако жъ Ольгѣ скажите, что все идетъ хорошо... они ее пугаютъ... (*Синицынъ шупаетъ пульсъ.*) Что, братъ, падаетъ? Плохо...

Син. О, нѣтъ, отлично!.. Мы тебя вылѣчимъ!..

Тр. Не стыдитесь боли, не удерживайте стонувъ... Легче будетъ!.. Ну, я не прощаюсь... Скоро буду. (*Синицыну.*) Каждая четверть часа извѣщайте меня! (*Уходитъ.*)

Бѣл. Нѣтъ... Жена услышитъ... И смѣшно же это, чтобы такой вздоръ меня пересилилъ... Слушай, Синицынъ! А больной нашъ?

Син. Я не выдамъ его... Тебя спасти надо...

Бѣл. Нѣтъ, онъ важнѣе теперь. Идѣ твердо... Не уступай ни юты. Они прозрѣютъ... Помнишь у Сакья-Муни: когда родился Будда, нѣмые заговорили, глухіе стали слышать, слѣпые прозрѣли... Воздуху нѣтъ!.. Позовите жену... (*Варя уходитъ.*) Дай мнѣ льду. (*Ему даютъ; лопатаетъ и натираетъ виски.*) Такъ легче... (*Нетерпѣливо.*) Что же жена? Мити не надо. Мнѣ стыдно смотрѣть ему въ глаза. (*Входитъ Ольга за ней Варя.*)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же и Ольга.

Ольга (*порывисто идетъ къ нему, схватываетъ и цѣлуетъ его руку*).

Бѣл. (*нѣжно гладитъ ее по голове*). Ничего, ничего, все хорошо!.. Будь тутъ... И гляди на меня долго, долго... Вотъ такъ...

Ольга (*плача*). Милый!.. (*Садится около и неподвижно смотритъ на него.*)

Бѣл. (*Открываетъ глаза.*) Дышать мнѣ трудно... Смерть идетъ!

Ольга (*встаетъ, ломая руки, полуотвернувшись*). Я не вынесу этого! Я съ ума сойду!

Бѣл. Ольга! (*Ольга напряженно слушаетъ.*) Будь тверда!.. Думай о сынѣ!.. Воспитай его честнымъ человѣкомъ!..

Ольга (*поднимаясь, говоритъ сосредоточенно, проникнутая новымъ чувствомъ*). Да, я буду тверда, какъ камень!.. Да, я всю жизнь буду думать о сынѣ, я воспитаю въ немъ тебя!.. Тебя, милый, честный, достойный. (*Становится передъ нимъ на коленяхъ.*) Прости, прости меня! (*Она кладетъ руку ей на голову. Въ передней сдержанный юворъ.*)

Бѣл. Что тамъ? (*Входитъ лакей.*)

Лакей (*сдержанно*). Студенты желаютъ видѣти...

Син. (*махнетъ ему руками*). Невозможно... Никого не пускайте...

Бѣл. (*оживляясь*). Студенты? Впустите ихъ! (*Лакей уходитъ.*) Мнѣ всегда пріятно ихъ видѣти. Мнѣ кажется, что они приносятъ мнѣ жизнь! (*Входитъ Линскій и нѣсколько студентовъ.*) Вы очень добры, друзья мои... Вы очень добры... (*Начинается разевтъ, который, увеличиваясь все больше и больше, виденъ въ окна.*)

ЯВЛЕНИЕ 12-е

Тѣ же и студенты.

Лин. (*заливаясь отъ слезъ*). Дорогой профессоръ... Намъ поручили товарищи...

ихъ тяжелое горе... ихъ отчаянье... и... и надежда... Простите... Я не могу вы- сказать... *(Вытираетъ слезы.)*

Бѣл. Скажите всѣмъ товарищамъ, что я ихъ люблю отъ всего сердца... *(Синицыну.)* Кто вмѣсто тебя около нашего больного?

Лин. Мы принесли вамъ радостную вѣсть, профессоръ. Кризисъ болѣзни миновалъ благополучно. Температура 38. Больной точно воскресъ и чувствуетъ себя прекрасно...

Бѣл. *(радостно.)* А! значитъ я не умираю... Продолжай же, Синицынъ, продолжай!.. А вы—вѣрьте ему, какъ мнѣ вѣрили... У него чистая душа... И вы берегите и лелѣйте чистоту души... Силы падаютъ... Жизнь кончена... Жаль жизни... Всего жаль... И этихъ книгъ... Съ ними я испыталъ столько счастья. И этихъ *(смотритъ на портреты на стѣнахъ)* дорогихъ образовъ, которые всегда будили во мнѣ вдохновеніе... До свиданія .. тамъ... Жаль этихъ цвѣтовъ... И этого начинающагося дня... Откройте окна!.. Погасите свѣчи! *(Студенты открываютъ окна, Варя гаситъ свѣчи. Врывается день, солнце восходитъ. Вдали слышенъ городской шумъ,*

отдаленный гулъ экипажей. Отдаленный благовѣстъ. Бѣлозеровъ приподнимается.) Слышите? Тамъ жизнь... Тамъ все идетъ по старому; и вѣчно, вѣчно будетъ раздаваться этотъ шумъ будничной жизни, заглушающій всѣ наши стоны, всѣ наши драмы... Къ свѣту... поверните къ свѣту! *(Кушетку поворачиваютъ къ окну. Вдохновенно.)* Ночныя тѣни ушли... Солнце восходить... Какое странное чувство!.. Мнѣ вдругъ сдѣлалось хорошо... Такъ свѣло въ головѣ... я такъ ясно все вижу и понимаю... Ахъ, еслибъ люди всегда могли такъ ясно видѣть и чувствовать!.. *(Закрываетъ глаза и говоритъ какъ въ бреду.)* Все прошлое проходитъ передо мной... Непрерывная борьба духа съ плотью, неба съ землею, великаго съ пошлымъ и ничтожнымъ... Пустяки двигаютъ нами... Ахъ, какія мы бѣдныя, маленькія существа! А сколько счастья было бы на землѣ, еслибъ люди умѣли жить... О, какъ прекрасна жизнь... при свѣтѣ солнца... *(Синицынъ и Карчевъ поддерживаютъ его. Ольга припадаетъ къ нему. Варя склоняетъ голову на каминъ. Студенты стоятъ, наклонивъ головы.)*

